

18+

Вивиана Стромская

Grazie 2

Лучевые

Вивиана Стромская

Grazie—2. Лучевые

<https://litres.ru/74319464>

ISBN 9785007070386

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

История любви, где выбор может стать роковой ошибкой или триумфальной победой. Все будет зависеть от того, кого ты поблагодаришь за эти строки. Выбор за тобой

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	66
Глава 8	76
Глава 9	92
Глава 10	101
Глава 11	109
Глава 12	119
Глава 13	129
Глава 14	141
Глава 15	154
Глава 16	162
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Grazie—2

Лучевые

Вивиана Стромская

Редактор Екатерина Корсакова

© Вивиана Стромская, 2026

ISBN 978-5-0070-7038-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-7037-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отчего же мы любим?

Или, быть может, мне не стоит снова поднимать эту тему, чтобы не ранить твою утомлённую душу?

К великому счастью или сожалению, всё же, мне кажется, стоит дать тебе возможность переосмыслить понятие любви, вечности, а быть может — предательства и бесконечной ру-ганы.

А ведь любим мы не потому, что у него были серо-голубые глаза, а потому, что это лихая влюблённость, порыв чувств, импульсивность, жертвенность и тревожность — истинный облик того романа.

— Прокати меня, — скажешь ты.

— С удовольствием, — отвечу тебе я, уже предвкушая твою реакцию.

Сегодняшним томным, немного взволнованным вечером твоё тело невероятно расслабится, а душу будет рвать на части, причудливо смешивая боль с эстетическим наслаждением.

Любовь — значит быть готовым не только жить без человека, но и броситься за ним в любые дали, если ему требуется помощь, дойти пешком на другой конец света или вытащить его из иных измерений, зная, что после этого начнётся кровопролитная война или что вы погибнете тут же. Но любовь — это также умение отпускать, ценить и любить себя, иногда лихорадочно поглаживая свои руки, словно в надежде, что станет легче.

Скажи мне: готов ли ты отказаться прямо сейчас от объекта своего обожания?

Ответ, что таится на дне твоей души, иногда так искусно её щекочет, приводит тебя либо в недоумение, либо в «эстетическое» удовольствие.

Эстетическое удовольствие — звучит уже второй раз. Попробуй на вкус эти слова.

Треск миров, близость апокалипсиса, открытие потайных измерений, нарушение межпространственных законов — или просто сдвиг бесконечности... Знали ли вы, что это рождается из желания власти и по-настоящему сильной любви?

Пролог

«Ты ценишь что-то большее, что-то меньшее, — всё это иллюзия. Есть и ценится только то, чему мы придаем значение».

Такое сильное и забвенное это чувство — любовь. Оно запоминающееся, жгучее, порой рваное и жестокое, но такое желанное, когда ощущаешь взаимность. Ведь любим мы не от ослепительной улыбки или правильных черт лица.

Неужели этого было бы достаточно, чтобы покорить миры, о которых никто не знает, или открыть свою тёмную душу тому, кто потеряется в этом омуте и сбежит, находясь в бесконечных поисках света на пустоши? Но света нет ни в серой необъятной массе, ни в людях, давно прогнивших на этой земле. Или ты такой же, как и я?

Кто ты?

Ты ли это?

Ты станешь моим самым заветным и дьявольски красивым искушителем, или мы действительно те, кто должен бы встретиться после множества страданий? Но что мы можем назвать страданиями? Может быть, они не так далеки от этой простой человеческой тоски?

Или мне просто хочется любви...

Женщина прекрасна. Но ещё прекраснее она становится, когда любима. Когда заметили, что любит она вовсе не кофе по утрам, прожигая себя сигаретами, а особенный травяной чай, собранный в далёком прошлом. Вот, например, та самая лаванда, аромат которой с трепетом проносится по уютной квартире, заставляя по-настоящему прочувствовать запах родного дома.

А может, это просто сон, и всё постепенно начинает рассеиваться, позволяя жестокой действительности вновь захватить твой разум?

Борьба порождает борьбу, а значит, каждый раз сражаясь, я буду сражаться вновь.

Или это мой последний шанс изменить свою жизнь?

Глава 1

Искусство быть жар-птицей

«Белиссимо!» — слышалось из толпы.

«Браво! Браво! Браво!» — крики усиливались, постепенно приобретая почти животный оттенок.

Сегодня люди не унимались, не желая отпустить главную актрису этого, на первый взгляд, жалкого вечера. Восхищённые вопли, заворожённые стоны, разврат и похоть, — воцарившиеся в каждом углу этого незаурядного заведения. Всё это было классикой, к которой привыкли многие жители пока ещё вам не известного города. Дрянная деревенька для героини, давно уже перешагнувшей пределы этого мира — в привычках, вкусах, времени.

Казалось бы, что может быть хуже, чем танцевать в таком месте?

Именно так сказали бы служащие католической церкви неподалёку. Но наша действительность настойчиво стучится в священные двери, за которыми собрались неугомонные зрители, чьи инстинкты, размывающие границы приличия,

рвутся наружу, перестав желать сдерживаться.

Гнусное рычание, сопение, деньги, летящие под ноги — на которые актриса откровенно наступала, не стремясь угодить кому-либо. Она танцевала для себя, для своей мнимой души, с каждым днём мечтавшей всё сильнее сбежать отсюда. Её выступления разжигали пламя не только в беспокойной публике, но и в ней самой, раскрывая в себе словно жар-птицу, порхавшую на ветру в стремлении улететь к свободе. Танец сочетал лёгкие, невесомые движения с дерзкими, хваткими — словно она хваталась за пустоту вместо души.

Лунный свет звонко проскакивал сквозь слегка затуманенные окна, лаская изящное плечо актрисы, и стремясь обнажить её ещё больше. Ведь увидеть то, что скрывает этот приглушённый свет, не способна ни одна душа из отвратительной серой толпы.

Можно долго обнажать тело, но лишь однажды оголить свою сущность — или то, что в её понимании есть оголение души.

« — Прошу тебя! » — снова взвизгивали тщедушные гости — « Будь со мной или танцуй, танцуй снова! »

Они вскакивали, подбегали к сцене, пытались дотронуть-

ся до бедной девушки — так она называла своих зрителей: «гнилые».

«Эй, ты! Танцуй, я сказал! Танцуй!» — кричал в толпе мужчина, но слова прошли мимо актрисы как будто сквозь стену. — «Да так, чтобы мы были довольны!» — он облизнулся, усевшись поудобнее, чуть не сломав роскошное кожаное кресло под своим весом.

«Омерзительно», — мелькнуло в мыслях девушки, не оставляя места для жалости к таким людям. Но она и не стремилась к любви: настоящее стремление пылало в её цели — которое разгоняло её душу стремительно и неумолимо.

Мечта сжечь этот город дотла или похоронить того гнилого живьём — такой исход её вполне устраивал, в отличие от простых обывателей. Но, конечно, их не спрашивали. Посетители требовали от неё зажигать огонь всё чаще и чаще, завороченно глядя на каждое её выступление. Всё больше купюр попадало ей под украшенные стразами туфли, а в груди росла ненависть; быть может, ей тоже удастся когда-нибудь сбежать...

Ах, какое же было великолепное тело у актрисы! Каждый изгиб — отдельный шедевр, захватывающий разум уставшего от похоти города. А своими пленительными алыми глаза-

ми, пронзающими гораздо глубже, чем насквозь — она терзала смятенными эмоциями и возбуждением каждого, кто был рядом. Её хрупкий, на первый взгляд, силуэт виднелся жителям то из окон, то из газет, то даже из их бурных фантазий.

Самым завораживающим элементом её образа были длинные серебристые волосы, медленно, словно живые, танцующие вместе с ней: то прикрывая, то с трепетом приоткрывая белоснежную кожу. В дни полной луны волосы наполнялись неистовым светом — словно божественным свечением или же дьявольским даром.

Кабаре, хоть и стояло немного в стороне от главной площади, было центром жизни города. Известная актриса, некогда похожая на танцовщицу в Мулен Руж, взрывала публику, позволяя увидеть то, что долго таилось и пряталось в снах местных жителей.

Эти сокровенные желания сделали маленькое здание огромным особняком и местной достопримечательностью уже несколько лет. Обвитые чёрным кружевом колонны, изредка выпрыгивающая паутина, мраморные лестницы с кроваво-красными коврами, сплошные постоянные афиши — всё каждый раз поражало гостей особой роскошью и чарующей атмосферой, которая порой накрывала и саму актрису,

танцующую и слушающую сотни восторженных возгласов, вспоминая, как всё это покорило её сердце, как и некто, назвавший её ласточкой.

«Грация!» — крикнули вновь. — «Ты прекрасна!»

На секунду я замялась, но затем продолжила танец, наполненный страстью восходящей звезды. Обычно слова от публики звучали грубо и грязно, но сейчас что-то заставило меня подойти к краю сцены, почти нависая над зрителями, вслушиваясь в едва слышный разговор неподалёку, в отдалении от «гнилых», разговор под манящую музыку, которая вторила моему огненному образу.

«Они — черти. Ничего не понимают ни в искусстве, ни в танце. Их мир — вечно спешащие или ленивые люди, ищущие оправдания. Одним словом — гниль», — прозвучал мужской баритон.

«Эй, угомонись, не здесь тебе так говорить!» — шипел кто-то издали.

«Не может быть! — в панике пронеслось в голове. — Хуго! Что ты здесь делаешь?!» — среагировала я на знакомый голос.

«Ты прав, первый день и снова разочарование», — прозвучал он грустно.

«Перестань! Сколько раз уже сюда выбирался и столько же говорил это. Посмотри на нашу Грацию — вот настоящее искусство!» — ответил другой.

«Искусство?» — переспросил первый тихо.

«Да, искусство. Не тебе ли знать о ней».

«Я прекрасно знаю искусство», — спокойно сказал первый, немного задумавшись. — «Иногда оно так же хорошо, как и она, но кое-что она напостила мне».

«Что же?» — удивился второй.

«Символ вечности. Её танец — словно свет для потерянных во тьме. А может, она сама — эта тьма, которую так грациозно обыграла? Да! Грациозность — вот слово для её танца, танца вечности».

Моё сердце пропустило удар. Виски пульсировали, колени подкашивались, но ради танца я устояла, сделав это изюминкой вечера.

«Этот голос! Этот голос! Это он!» — промелькнуло в голове, и я полностью погрузилась в чужой разговор.

Мужчины, заметив паузу, перешли на шёпот, усложнив мою задачу. Тогда мне оставался один выход — спуститься к столикам и зажечь публику ещё ярче. Нависая над первой линией, я плавно приблизилась, ошеломля зрителей и вызывая новые возгласы. Ажиотаж работал на меня, и я стала ближе к хриплому баритону, который манил меня уже долгие годы.

« — А ты всё о вечности, сейчас начнёшь философствовать», — бурчал второй.

«Вечность — вот что отличает таких, как она. Её танцы останутся в памяти на долгие годы, а, может, она уже и есть история, покорившая и разбившая много сердец. Мир прогнил, люди тоже — и ты это знаешь. Мне противно смотреть на серую массу без стремлений — они никому не приносят ни пользы, ни спасения. Даже танец девушки, как Грация, не изменит этот обречённый мир. Для полного счастья ей нужно влюбиться в убийцу и отправить его к берегам Стикс», — завершил мужчина, оставив второго в раздумьях, и вышел из кабаре.

Глава 2

Вновь тьма настигла этот вечер, но я в безумии своем.

Посетители продолжали умолять меня зажигать всё чаще и чаще, жадно впитывая каждое движение, каждый порыв моего танца. День за днём моя ненависть к этой серой толпе и одновременно желание вырваться из её хватки росли в груди, словно огонь, жаждущий вспыхнуть ярче.

Одновременно со страстью и бурей в душе в моих глазах отражалась смесь решимости и усталости. Но как можно сдаться, когда танец — это единственный голос моей души, единственный способ сказать миру: «Я здесь. Я жива. Я свободна... или пытаюсь стать такой».

Мои серебристые волосы, играючи ловившие свет ламп и луны, вновь уносились в вихре движений, чаруя и завораживая даже самых чёрствых зрителей. Каждый изгиб тела становился воплощением противоречивой красоты — нежности и грехопадения, огня и холода.

И всё же, среди этой толпы, поглощённой страстью и похотью, за кулисами души слышался тихий голос — тот самый, что заставлял сердце трепетать от надежды и страха одновременно.

Ты — символ вечности. Ты — свет, который не погаснет.

Я знала: где-то там, за границами этого зала, ждал кто-то, кто сможет разглядеть во мне не только огонь, но и раненую птицу, мечтающую о полёте

«— Грация! — безжалостно закричала толпа, резко дергая меня то за кисть, то за плечо, пытаясь удержать. Но попытки прорваться были тщетны.

Безразличие отражалось на моём лице так же чётко, как и ненависть ко всем людям. Как же жаль эту душу света, готовую прильнуть к своей последней надежде.

— Никуда ты не уйдёшь, куколка, — его голос звучал глухо, когда он резко схватил меня за руку и повёл прочь от толпы. — Думала сбежать от меня, моя маленькая Долорес? Ты всегда была слишком свободной... Но свобода — роскошь, которую я тебе не позволю.

Я посмотрела ему в глаза — серые, холодные, как мутная вода в глубоком омуте, — и в них увидела не только страх, но и тщетное стремление к контролю.

— Что у тебя на уме, гниль? — спросила я с ядом, пряча дрожь в голосе. — Попытался меня сломать? Обрести власть над той, кто давно научилась выживать в тени?

— Ты смеёшься надо мной! — рявкнул он, замахиваясь кулаком, но я ловко схватила его руку и в один момент поставила в безвыходное положение. Жестко прижала плечи к стене, подняла локти за спину, и добавила сильный удар по животу. Его лицо исказилось от боли, губы шипели ругательства, лоб упёрся в холод мрамора.

— Я не культивирую страх, — прошипела я, глядя на него сверху вниз. — Я сею хаос в душах таких, как ты. Знаешь, что произошло? Сегодня ты умрёшь в этой игре, среди собственного дерьма, угаснешь, как заброшенная свеча. Запомни это.

Он замычал, дрожа, но молчал — слова для него теперь были роскошью, недоступной в момент, когда я переступала все границы. А внутри меня бурлило страшное смешение ненависти и какого-то сковывающего сожаления — потому что, несмотря ни на что, он был частью грязного мира, в котором я вынуждена была танцевать.

В ушах звучал тихий шёпот — воспоминание о том, что однажды искусство и страсть были спасением — а теперь — словно яд, отравляли всё вокруг. И я не могла позволить этой тьме поглотить себя.

— Пусти меня, Грация, — силло прошипел он, когда я

вновь прижала его к стене. — Я... я могу всё исправить.

— Исправить? — ехидно рассмеялась я. — Если слова — оружие, ты уже потерял битву. А если ты хочешь выжить — знай, что я не прощаю.

Я отпустила руку и сделала несколько шагов назад, давая понять, что этот холодный мир станет для него тюрьмой без выхода.

— Не произноси моего имени больше никогда, — твердо сказала я. — У тебя меньше суток. Постарайся сделать так, чтобы инциденты со зрителями остались позади, иначе конец ждёт не только тебя.

Он слабо кивнул, глядя на меня с каким-то робким страхом — страхом перед тем, что я могу стать не только танцем на сцене, но и холодной смертью, которая придёт без предупреждения.

Мир вокруг казался вдруг зыбким и тяжёлым, как старинная органная музыка, разливающаяся под готическим сводом: стены обнимали меня своим холодом, отражая блеклый свет усталых люстр, к которому я тянулась всякий раз — как к последней искре, уцелевшей после пожара внутри.

Чёрные кружевные тени ползли по колоннам словно при-

зраки несбывшихся мечтаний, напоминая о вечном круге страсти и боли, в котором кружится город и я — его живая легенда, вечная пленница.

«Ах, эта готика! Надменная! Чувственная! Пленительная!» — восхищалась я, наплевав на происходящее, — «как прекрасно, когда один безусловно понимает искусство, а другой тонет в великолепии, превращаясь в него, оставляя свой след в истории, прожигая снова и снова десятки тысяч сердец».

Каждый шёпот обволакивал меня любовью к готике, которой здесь почти не чувствовалось. Потому я довольствовалась «своим» особняком и той притягательной атмосферой, что лишь сильнее побуждала меня бежать за её пределы.

— Я... я... — он начал запинаться, когда я отпустила его. — Сделаю, только... — он слабо вздохнул и боязливо взглянул на меня, — не трогай больше!

Цокнув языком, я направилась напрямик к сцене, в надежде не увидеть ни одного зрителя, чтобы сбежать из этой грязи. Хоть мне и нравилось танцевать даже здесь, с такой публикой и владельцем, которому часто приходилось указывать на его нишу, больше подобных мест у нас не было. Разжигать огонь в душе я могла лишь в танце... или с... — но я тут же осеклась, не позволив мысли продолжиться.

«В борьбе, в войне и в пламени», — неугомонно повторяла я, как слова поддержки, напоминая себе, что справлюсь. Это становление меня. Я и вовсе не заметила, как по щекам катились обжигающие слёзы, словно при мне убивали моих родных, прямо на глазах.

— Позор! — донеслось из зала. — Какой позор!

Я вышла к сцене, оглядев взволнованных и гневных зрителей. Губы прикусила до крови, сдерживая влагу на глазах, а внутренний стержень крепко держал характер.

— Вечер окончен! — гордо объявила я, бросая гнилым свою атласную подвязку — такую же нежную, как и короткое белое платье, ставшее сегодня символом вечности.

— Но, Грация! — кричала толпа, пытаясь прорваться ко мне. Я показательно вытянула руку вперёд, ладонью к ним.

— Куколка! — выли мужчины, игнорируя мой жест и агрессивнее продвигаясь к сцене.

— В борьбе, в войне и в пламени, — прохрипела я, едва сдерживая эмоции, и кинувшись в бегство, скрылась за сценой.

Впереди раскинулись длинные и узкие коридоры, петлявшие так, что каждый поворот заставлял сомневаться в правильном пути. Но благодаря ночным вылазкам я выучила проход, сразу ведущий на главную площадь с небольшим фонтаном, в центре которого возвышался памятник «Человеку, сумевшему победить преступность». Здесь могла бы стоять готическая скульптура или образ человека, приближённого к Богу, но тут — убийца моих близких.

«Также, как и ты — чужих», — заканчивает подсознание, и я с невыносимой болью гляжу на того, кто некогда забрал у меня родных. Туфли удалось снять ещё по пути к публике, теперь я ступаю в грязь по лужам, слушая раскаты грома и наблюдая за происходящим вокруг.

— Это был ты, — вздохнула я, желая услышать за спиной сладостный баритон.

Но его нет. Нет надежды, нет просвета среди пышных туч, нет нравственности в этом знойном мире. Всё бы ничего, если бы не этот танец — наш символ вечности.

А люди суетились: кто закрывал уютную веранду, кто прятался от ливня, а кто ловко грабил. Вот и всё в этом мире: начинаешь видеть особенное, но привычное; проникаешься,

пытаешься найти последние осколки любви — но натыкаешься на похоть, воровство и ложь.

«Скажи, — шепчу я себе, — мы же с тобой поменяемся? Поменяем взгляд на этот мир? Возможно, не поздно изменить всё».

Надежда.

Так в душе родилось нечто светлое, заглушающее щемящую боль между рёбрами. Картина заворожила так же быстро, как площадь пустела под дождём. Раскаты грома становились всё ближе, молния металась, освещая и поглощая пространство. Слышен был детский плач, пугающиеся возгласы, душераздирающие вопли. Для моей души атмосфера была привычной: капли дождя проникали под кожу, пытались отрезвить разум и вынуть наружу всю боль, окутывающую лёгкие, заставляя дышать лишь рвано, с громким кашлем. Вода стекала до щиколоток, и пошевелиться было невозможно. Боль и страх приковали меня на месте, делая душу зрителем собственной жизни. Как рвётся платье, как мокнут волосы, как в ступни впиваются острые, словно стекло, предметы.

Раскат грома и удар молнии в шпиль единственного священного места — местной ратуши — окончательно встряхнули меня. Вероятно, в этот момент Николас читал молит-

ву, пытаюсь спасти грешников. Но время опередило его — теперь и он найдёт свободу.

Спокойствие сменилось паникой и приливом сил, но я осталась на месте, заморожено всматриваясь в пламя неподалёку, словно наблюдая за камином, — где-то то и дело слышался треск судьбы.

— Ещё одна смерть, — вынесла я вердикт, покачивая головой и пытаюсь прийти в себя.

Глава 3

Свобода после смерти

Так обычно говорят герои потускневших кладбищ, похороненных не иначе, как на готов. Их бы так и называли в наше время, но мы живем в культуре, где каждый подчиняется деньгам и власти. Различие лишь в том, что у всех свои замыслы и цели, но есть и те, кто разворачивает собственный культ — здесь их зовут либо отбросами, либо кодами. Второе было для нас привычнее, хотя поначалу вызывало отторжение и смятение.

Во мне не унимался борец за справедливость, пытающийся изменить этот мир, но и он померк — столь же мнимый, как и этот городок, больше похожий на один большой притон. В нем было что-то человеческое, что-то, что казалось мне родным, но и это было жестоко уничтожено теми, кто считал себя праведником и защитником своего народа.

Временами я бродила под ливнем по безлюдным улицам, где мне хотелось верить, что дни всех этих людей сочтены, а меня снова ждет иная, совершенно особая жизнь. По пути мне встречались приглушённые фонари, напоминающие аллею к замку в столице — известному всему миру как за-

мок графа, традиционно прозванного простонародьем «чертова вурдалака». Чуть поодаль все еще бегали дети, гоняя чуть порванный мяч по всей улице и радуясь каждой капле на одежде. В остальном всё было тихо.

Именно за такие моменты я любила жизнь: за полное погружение в себя и абсолютное одиночество. Лишь зная, что ты никому не принадлежишь и волен делать что хочешь, ощущаешь свободу.

Еще будучи в бегах от алчного места, я случайно зацепила платье — оно с каждым шагом становилось всё более рваным. Солгу, если скажу, что меня это смущало: танцуя в кабаре, забываешь о смущении и обо множестве слов, изрядно загрязнивших мою душу.

Подсознание не могло не подметить с ехидством:

— Ну-ну, — шептал мой демон внутри меня, — расскажи, Грация, когда убийцы вдруг обзавелись милой душой?

— Давай без этого, — отвечала я сама себе, предчувствуя острый разговор.

— Будем, дорогая, — вновь зазвучал шепот демона, — пока ты не рассеешь эту плесневелую пелену и не возьмёшь себя в руки.

— Ночь летела напролёт, — негромко запела я, — со мной беседует лишь черт... — вздох и вспышка истерического смешка.

— Грация! — заорал черт внутри меня, или, может, уже за моей спиной? — За тобой... — прошептал, и шаги — хлюпающие по мокрому асфальту — приближались.

Передо мной появилась едва различимая чёрная тень — мой личный демон, мое бремя.

— И в одиночестве забвенном... — продолжала я петь, — мы встретились откровенно. — Перевела взгляд на тень, пытаюсь заглянуть в её глаза, но ей было нечего показать — лишь молчание и ожидание.

— Ночь вновь летела напролет, — донёсся сладостный баритон издалека, — с тобой беседует не черт... — голос потух, словно растворяясь в шумах дождя.

— Попытки тщетны, — сказала я сама себе, списывая голос на слуховые галлюцинации, — тебя здесь нет. — Ответом было лишь безмолвие.

— Пора, — тихо пророкотал черт, простёр руку, покры-

тую мглой. — Тьма — твой дом, она зовёт.

— Со мной беседует лишь черт, — словно молитву повторяла я, возвращаясь к реальности. — Пойдём. — Протянула руку, и мы медленно двинулись по улице; казалось, что мы плывём — легкие и плавные, словно над водой.

Оставшаяся дорога прошла в тишине под монотонный шум дождя. Тень довела меня до нужного места и быстро исчезла, оставив меня в раздумьях — одинокой среди людей, но не одной среди тьмы.

Чуть потускневшее заведение наполнилось сыростью; лишь запах мокрого дерева, разносившийся по зданию, успокаивал меня и убаюкивал. Хозяина не было — значит, мне удастся сбежать без труда. Мысль о том, что Хуго сегодня зашел в кабаре с тем самым знакомым голосом, не давала покоя, но я старалась не поддаваться эмоциям. Нервы — на пределе.

— Хуго! — выкрикнула я злостно, пнув дверь своей комнаты на втором этаже. Она не была роскошной, но на заработанные деньги мне удалось обустроить её довольно сносно.

— У меня галлюцинации, — выдохнула я, плюхаясь на кровать и уставившись в потолок. — Нельзя думать и гово-

рять о друзьях плохо, — повторяла я, стараясь в это искренне верить.

Мой взгляд скользнул по огромному окну в пол — в нём сверкала полная луна, её отблески проникали в глубины сознания. Даже в этой большой комнате, полной свободы, мне было тесно и неудобно от непонимания происходящего. Лишь качающиеся деревья постепенно убаюкивали меня.

Взгляд упал на громадный шкаф у двери, полный сценических костюмов и платьев, сияющих даже в темноте.

— Во всём надо разобраться, — снова заговорила я сама с собой, вставая и направляясь к шкафу. Открыв потайную дверь в небольшое помещение, напоминающее кладовую, я увидела множество кинжалов — от маленьких, для дальнего боя, до массивных — для ближнего, быстрого и неожиданного.

На другой стене висели самые разные револьверы — от простых бандитских до особых, титулованных, с золотыми узорами или полностью покрытые золотом.

В те времена господин Велес был благосклонен ко мне и моей семье — так он называл свою гильдию, во времена великих бед.

Особое место занимала моя форменная одежда: эластичный комбинезон с легкими доспехами, тяжёлые сапоги на шнуровке и длинный плащ с капюшоном, скрывающим лицо, оставляя лишь тень и догадки тем, кто хочет узнать убийцу в лицо.

Черно-золотистый китель с атрибутикой висел как память, напоминая о случившемся. Я вдохнула родной запах, отогнала беспокойные мысли, быстро снарядилась и, спрятав тайный проход, выбежала в знакомые переулки — мои ночные кошмары.

— Ты готова? — шепнул на ухо черт. — Пора вспомнить, с чего всё началось.

Тишина, и вдруг — резкий толчок в спину, заставивший меня обернуться.

— Прими себя и свою сущность, — ядовито горящие глаза вонзились в мои, и я чуть пошатнулась. Встреча с чертом на крыше должна была быть, словно свобода после смерти, но тьма и здесь преследовала меня, включая ту высокую тень, которая всю жизнь за мною наблюдает. Кто ты?

— А если я откажусь? — спросила я равнодушно, с вызо-

вом, приблизившись к тени вплотную.

— Дитя, отказаться нельзя, — начал черт. — Твоё имя — дитя огня и воды, тьмы и света. Ты всегда была частью нас...

— И всегда хотела быть, — спокойно закончила я, улыбаясь.

— Играешь со смертью, Грация, — усмехнулся он, очертания его фигуры стали чуть яснее.

— Я знаю её лично... и тех, кто вершит её волей, — заявила я с вызовом.

Черт был невысок и худощав, бледен, сутул, ничем не примечателен, кроме рогов и длинного хвоста с острым кончиком.

— Крыльев не увижу? — усмехнулась я, надеясь, что это сон.

— Посмотрим, насколько хороши твои, — прошипел он, и с этими словами я почувствовала резкий толчок. Моя нога сорвалась со скользкой крыши.

— Удачной свободы после смерти, — прозвучал его голос

в последний раз.

Глава 4

Игра с чертом — забава?

Робкие, но такие волнующие и трепетные воспоминания посещали меня, сменяясь каждую секунду новыми, словно обращаясь в новый вид пыток.

Видения. Видения, которые показывали сны, сны в моей душе, видения, из которых состояли мои сны. От самых теплых до самых возбужденных, от сиплого голоса до наступления бунта — всё это было частью меня и моего непослушного сознания, которое то и дело подкидывало мне холодные образы окровавленных тел на площади с фонтаном, брызги которого казались готовы оставить новые раны — и ему это удавалось. Раскрылись швы моего внутреннего покаяния, отныне впереди была лишь смерть.

— Я не должна была тогда выжить, — проворчала я себе под нос, усевшись на корточки у каменной стены, — либо я должна была спасти их... — громко всхлипнула и, опускаясь в мутную воду, запрокинула голову, стараясь смыть с себя своё прошлое.

— Что мне с тобой сделать, чтобы ты, наконец, пришла в

себя?! — прошипел у самого уха знакомый голос. Взгляд его пылал расплавленным янтарём, а дыхание — будто порыв из преисподней — оседало на коже холодными мурашками. В его руке скверно поблескивало лезвие, но вместо удара — лёгкое, хлёсткое — пощёчина, почти ласковая, словно бы велел мне очнуться.

— Сколько можно скулить, как последняя побитая шавка? — вторую пощёчину он вклеил мне уже громче, уже с толикой дьявольского веселья.

Я, однако, смотрела в пространство мимо него, на миг почти позавидовав его беззаботности.

— Тебе весело? А мне хватило падения с крыши, — прошептала я, но голос зазвенел иначе: в нём дрожала свежая злость.

— С твоей регенерацией ты бы даже падение с колокольни пережила, — ухмыльнулся черт, облизав клыкастый рот, словно вспоминая чью-то недавнюю боль, — Да, с трудом... но ведь выкарабкалась бы — и опять пошла бы жалеть тех, кто уже в земле!

— Не дождёшься, что я вдруг так просто возьму и исчезну, — засмеялась я, стараясь не выдать дрожь в пальцах. —

Если что-то и сможет меня сломать, так это не смерть. А ты бы, может, сам прыгнул обратно в свой ад, чтобы не видеть моего лица.

Он фыркнул и притянул меня ближе, склонившись так, что мои волосы скользили по его лбу, как живые тени.

— О, знаю я этот взгляд. Давай, попробуй — повторяй за мной! — он зарычал уже нежно, по-кошачьи.

Я кивнула, наполовину уступая, наполовину внимая чему-то древнему:

— Закрой глаза, расправь руки. Позволь мгле быть твоей кожей.

Холод воды, сырость тьмы — всё это накрывает меня валом, но его голос, бархатный и хриплый, прорезает внутреннюю тьму:

— Я — тьма и ею рождена, — шепчет черт, и тени вспыхиваями взрываются в углах комнаты.

— Я — тьма и ею рождена, — эхом отзывается мой голос, становясь чуть глубже.

— Дитя я тьмы, отнюдь должна, — его ладонь скользит

вдоль руки, будто метит невидимой печатью.

— Дитя я тьмы, отнюдь должна — повторяю и уже чувствую: каждое слово впивается в тело, как холодный мор.

— И тьмой я вся возбуждена, — продолжает черт, накрывая ладонью моё сердце.

— И тьмой я вся возбуждена, — мои виски быют тревогу в такт его смеху.

— Я искуситель, дева сна, — заключает он, и мир внутри меня разгорается тёмным пламенем.

— Я искуситель, дева сна, — выдыхаю вместе с ним, чувствуя, как лёгкая дрожь перерастает в нечто, похожее на ликование.

— Я искуситель, дева сна, — теперь уже я завершила, чувствуя, как меня наполняет злая, но приятная энергия, придающая сил и уверенности, а вены наливались чем-то черным, похожим на смолу — это была мгла, проникшая в меня.

Он смеётся, и смех его — гулкий, хриплый, как катящийся по камню гром:

— Вот так! А теперь... Давай проверим, кто из нас сего-

дня будет управлять этими никчемными людишками!

И вот скажу, что зло — это понятие людей.

А мы, дети тьмы, скажем вам — вы есть зло и гниль этого мира. Не мы мечтаем о притонах, танцовщицах и любовницах, пока жена пытается успокоить плачущего ребенка. Не мы продаем друзей, семью и близких ради выгоды. Не мы считаем смыслом жизни скотское сношение. Мне продолжать перечислять или вы уже убедились в безнадежности этого мира? В месте, покрытом тлей.

Хотя моя душа была полностью истерзанной, чувство полного обновления окрыляло меня. Каждая трансформация особенная, но сразу приходит понимание, что дар никогда не дается просто так. В его использовании — предназначение владельца, обычно во благо всему миру. А это значит, что впереди — в очередной раз — опасность. Я попробовала на вкус слово «опасность» и тут же вскочила, схватившись за голову.

— Хуго! — воскликнула я. — Мне пора отправляться, — и ринулась по узким переулкам, ведущим на окраину города.

Дорогу я продумывала давно — обходя богатые районы и приближаясь к сбродным, где людей никто не замечал, там

лишь убивали и грабили. Сейчас улицы пусты, открывая мне путь. Бежала я стремительно — настолько, что в толпе не решилась бы — люди не могли так бегать, да и зачем? Ведь рано или поздно их обворуют, изнасилуют или убьют.

В который раз проходя мимо городского кладбища, на котором давно уже никого не хоронят, вспомнила, как однажды бандитские отпрыски пытались закопать там тело ночью, но ни мертвеца, ни гнилых больше никто не видел. Не трудно догадаться, чьи руки стоят за этим — оставляю вам на размышления. Могильные кресты плотно вошли в сырую землю, среди которой проросли толстые, чуть изогнутые деревья, превращая кладбище в лес мертвых. Не было ничего, что могло бы меня отпугнуть — напротив, с каждым годом и походом меня всё сильнее притягивало это место.

Некоторые могилы были расколоты, но плотно держались за тягучую глину, а превосходно сохранившиеся надгробья с почерневшими ангелами представляли особую красоту и ценность. Там и начиналось царство, откуда всё зародилось несколько лет назад.

Кладбище не имело ни края, ни конца. Заросшие тропинки петляли, напоминая мне мои подземные ходы — изюминка города. Иногда я спотыкалась о камни и булыжники, преграждавшие путь. Имена на могилах, чьи фамилии были на

слуху, не давали мне покоя. Я была готова сражаться за покой чужой души — мы на чужой территории, и никто не смеет тревожить мертвых.

С этими мыслями я направилась к небольшому замку, больше похожему сейчас под грязным проливным дождём на обычную часовню.

— Есть кто? — произнесла я, слушая эхо, — значит я дома, — уверенно заскользила к нужной комнате, наверняка в одной из башен, куда можно было попасть только через подземелье и винтовую лестницу.

Передо мной была одна дорога — только вниз. Холодные каменные ступени, уже изрядно поцарапанные прошлым, скрипели под ногами. Я грациозно спускалась, держась одной рукой за стену, в другой был кинжал.

Кажется, эта лестница бесконечна — она словно хочет запутать каждого, кто смеет войти в царство мертвых. Я пробиралась порой медленно, порой бегом, часто рвано дыша, иногда в порыве страсти, а порой возвращаясь с похорон. Атмосфера здесь была мне по-свойски приятна, и, ненадолго потерявшись в мыслях, я быстро добралась вниз. Сотни проходов, сотни тяжёлых воспоминаний и единственная верная дорога — винтовая лестница. К ней я и шла, борясь с собой,

страхом, гневом, который окутал меня в последние минуты.

Я всегда боялась винтовых лестниц — узких, душных, где чувствуешь, что либо тебя раздавят стены, либо ты сорвёшься вниз. Кто-то иногда меня придерживал, но сейчас я должна была пойти сама и встретиться с тем, кто тянет меня назад.

— Надеюсь, Хуго, я сейчас не ко тебе, — пробурчала я под нос, не замечая, что уже стою перед нужной дверью. Массивная, родная, всё та же пугающая дверь.

Я настойчиво постучала, но ответа не последовало. Я попыталась ещё раз — безуспешно!

— Хуго, мать твою! — зарычала я, — открывай немедленно! — и попыталась вскрыть замок самостоятельно.

— Пойдём моим способом, милый, — ухмыльнулась я, отойдя от двери, взяв разбег и ударив ногой в замок. Тот слетел с петель мгновенно, дверь с грохотом распахнулась, и я, по-прежнему злая, но грациозная, вошла внутрь, встретившись с недовольными ярко-изумрудными глазами.

— Да, так вот насчёт этого заказа, — начал Хуго, развалившись в массивном кресле, похожем на трон, и мгновенно

вернув себе королевское спокойствие, — наша цена значительно выше, либо ищи деньги, либо возьмись делать сам, — сказал он твёрдо, голос чуть набирая оттенок раздражения, — и никаких «но»! Вот моё последнее слово!

В этот момент телефон выскользнул из его руки, резко отлетел в сторону. Хуго отскочил назад, ловко увернувшись от двух сверкающих кинжалов, которые пробили воздух у скул всего в паре миллиметров. Он осторожно коснулся распухшей и кровоточащей раны, но словно с чем-то смирился, вернул трубку на место, ясно понимая, что больше контролировать ситуацию не сможет.

— Может, уделишь мне время? — ровно спросила я, легко подпрыгнув к его столу, ловко перелезая через него и свесив ноги, удобно расположившись прямо напротив. Взгляд мой игриво скользнул по нему, словно вызывая на дуэль.

Хуго резко вскочил, и я заметила, как в глубине его изумрудных глаз вспыхнул огонь, едва сдерживаемый, постепенно превращающийся в пламя желания. Его дыхание слегка учащалось, а жесты стали напряжённее, словно каждый сантиметр пространства между нами горел.

Он начал нервно ходить по комнате, избегая возвращения на своё место, но взгляд его неотступно держался на мне,

неизменно тонко оценивая каждое движение.

— Что за выходки, Грация?! — прогремел он, но его голос дрогнул, словно скрывая под собой волну чувств — этот раздражённый тон сменялся хриплой мягкостью, рвущейся наружу. — Это был наш важный заказ!

— А не ты ли его отклонил? — усмехнулась я, повернувшись к нему с лёгкой иронией, чувствуя, как напряжение нарастает, словно две молнии готовые сорваться в одно касание.

— Да, отклонил! — кричал он в ответ, указывая на едва заметную царапину на щеке. — Зачем ты вообще появилась здесь?

Наши взгляды встретились, и вдруг я почувствовала, как моя рука медленно двинулась в его сторону — пальцы едва коснулись края его рубашки, держа меня словно на грани, между вызовом и обещанием.

— Он неопытен, ненадёжен, эмоционален и, пожалуй... — сделала театральную паузу, играючи вплетая каждое слово, — недостаточно хочет добиться своей цели, — усмехнулась я, слыша в его дыхании ритм, сбивающий меня с ног.

Хуго, потирая виски, тихо пробормотал под нос: — А тебе всё это весело?

Я не ответила сразу и лишь мягко подтвердила:

— Весело. Повторяю твою характеристику, — улыбка поникла в уголках губ, и теплотой её чуть заиграл лёгкий вызов.

Он приблизился, так что я почувствовала тепло его тела, и голос, низкий и хриплый, пробрался в самые глубины сознания:

— Сломала мне дверь, рассекла щеку... что дальше, моя злая Амадэрасу? — шаг его точно подгонял меня, словно вершил приговор. — Я на взводе уже несколько дней! — со всей силы ударил по столу. — И ни чёрта не получается! Хоть всю нашу структуру переделывай, чёрт побери!

Внезапно я коснулась его плеча лёгким, почти ласковым прикосновением. Хуго вздрогнул, словно электрический разряд пробежал по телу, и в его глазах мелькнула неистовая страсть, которую он одновременно старался скрыть.

— Неженка ты моя ворчливая, — шепнула я, медленно глядя в его пылающие изумруды, чувствуя, как внутреннее напряжение между нами становится почти осязаемым.

— Я не неженка! — вспыхнул Хуго, чуть запинаясь, словно борясь с собой, чтобы не поддаться порыву. — И не ворчливый!

— Да, — сказала я с железной уверенностью, — ты — лежец! — и тут же спрыгнула со стола, ловко схватив его за слегка расстёгнутую рубашку и притянув к себе. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего, и я почувствовала горячее дыхание, которое смело касалось моей кожи.

Я заглянула прямо в те ярко-изумрудные глаза, где бушевала смесь желания и борьбы, и тихо прошептала:

— Хуго...

Он с трудом сдерживался, голос его стал шёпотом:

— Здесь... — перебил меня, — Анхель в городе.

На мгновение мир вокруг сузился до этих слов — до этого желания, прорывающегося на свободу даже в самых тяжёлых испытаниях.

Глава 5

*Твой друг — лжец
Расслабься, ты не лучше
Гробовая тишина*

Кладбище, на котором я была лишь однажды...

Порой я возвращаюсь в мысль о необъятном кладбище — месте, где стоит небольшой костёл, казавшийся тогда местом покоя смертных. Кроваво-красные крыши устремлялись остриём в небо, а вся изящность здания заключалась в причудливой пристройке с ярким крестом в центре. Не было во мне ни печали, ни отвращения, когда ступала по чужим костям в попытке разглядеть заброшенную готику. Скорее — жуткий, но жадный интерес. Я будто искала своё покаяние, ведь где, если не здесь, обретают свободу после смерти?

Даже тогда, сидя у небольшого надгробия, созданного явно добрым человеком, меня не покидала мысль о силуэтах — почти невидимых, они миглом обретали очертания, лишь чтобы тут же раствориться. Они дарили мне возможность видеть их и искать у смерти ответы.

Холмистая, извилистая местность, больше напоминавшая

дикий лес, убаюкивала меня, взамен будто забирая мои силы или — наоборот — отдавая что-то совершенно новое и таинственное. Например, едва заметное покачивание скамеек или точечные толчки — словно призывающие обратить внимание на очередную тень, вечно блуждающую в поисках ответов.

Мёртвые — не значит жуткие, мёртвые — значит свободные.

И пусть на открытом пространстве, где поодаль виднелись более крупные, но не менее разрушенные захоронения, иногда проходили люди, в их глазах я видела покорность загробному миру. Тропинки извивались, время от времени подбиравая небольшие камни — словно они только что отвалились от соседних могил. Они вели в неизвестность, всегда приводя к нужному месту — возможно, после сотен кругов.

Возможно, это твой личный «девятый круг», который ты называешь адом, а может, прямая жемчужная дорога, усеянная колосками, которые безжалостно растоптаны тобой, твоей душой, твоим разумом. Растительность почти по пояс. Бережно пробираясь сквозь чужие жизни, я слушала размеренные шаги, плетущиеся за мной, порой задорно шелестя листвою под ногами.

Мы шли вместе.

Совершенно незнакомые и изгнанные из собственного мира, чтобы обрести то, чего так долго искал каждый из нас. Быть может, смысл бытия, а быть может — отчаянные поиски умиротворения.

А я иду всё так же — вдвоём со своей тенью, к владыке Тьмы за просьбой Света.

Я вновь вырвалась из своих воспоминаний, больше напоминавших мне грезы, в которых я мечтала потеряться, но ледяная реальность окатила меня, призывая вернуться к жутким событиям, которые напоминали мне яркий калейдоскоп.

— Ты солгал мне! — рявкнула я, не сдерживая злости, — как и я тебе, чёрт возьми! — ещё с большей досадой добавила, отпуская его рубашку и решительно шагнув к двери. Но тут же развернулась, — это ведь он попросил?

— Да, он! — мгновенно отозвался Хуго, — прекрати кричать на меня!

— Почему мне перестать? — не менее гневно воскликнула я, подходя вновь к нему, оставив между нами крошечное

расстояние. — Сначала просит меня молчать о его смерти, потом тебя — о возвращении, а в итоге и вовсе заявляется ко мне в кабаре! — я плюхнулась без сил в кожаное кресло главаря, отчаянно вздохнув, вытянула ноги, пытаюсь унять бунтующие мысли, охватившие разум.

— Вернулся Анхель вчера вечером, — начал парень, стараясь отдышаться, — и застал меня врасплох, разумеется. И да, я знал, что он жив, — тихий смешок на грани истерики сорвался с губ, — таких вампиров ещё попробуй убей! — Хуго слабо улыбнулся, я же чувствовала, как сложно ему даются слова, и потому не перебивала, лишь всматривалась в потолок. — Никто не знал, когда он вернётся и вернётся ли вообще. Сейчас важно лишь одно, — тяжело вздохнул он, — что мы сдержали своё слово. То, что дали ему перед смертью.

— Слово, данное на свадьбе перед смертью, — протяжно произнесла я, уставившись на хмурого Хуго. — Как мрачно... — на губах предательски дрогнула сладкая улыбка.

— И нет у меня больше сил бороться с этим мгновеньем, — я вздохнула нежно, мягко напевая.

— Где любовь мертва, там нет уж камня преткновения, — закончил Хуго.

— И говорим мы об одном мужчине, мой милый, — искусно прошептала я ему на ухо, прижимаясь к плечу. Тот бросил на меня многозначительный взгляд. — Отвечать не нужно, ты знаешь правду, милый, — нежно погладила я его по щеке, пытаясь отыскать в худых скулах искусство, излучающее покой и умиротворение.

Пара зелёных глаз замороженно смотрела на меня, наблюдая за движениями, а я вновь искала своё покаяние. Иногда его опустошённый взгляд останавливал меня, но Хуго лишь ловко перехватывал моё запястье — мол, продолжай.

И я шла дальше — медленно, чувственно, с легкой эротикой, доступной в это судьбоносное мгновение. И только этот вампир с бледной белоснежной кожей и чуть опущенными изумрудами был моей гармонией последние три года. Он — мир покаяния смертных — Хуго Гаргос. Он с невероятно красивыми, но такими опечаленными глазами, потерявший однажды то, что ценил больше всего, и погрузившийся в собственную тьму, раскрывающую его сущность. Он искал во мне уют и заботу, хотя порой не принимал мою излишнюю жестокость.

Три слова: моя ворчливая неженка.

Я расхаживала по комнате, разглядывая картины эпохи

Ренессанса, мысленно переносясь в прошлые жизни. Ах, как бы хотелось вновь прожить те сотни лет, когда свобода казалась сахарным соблазном, льющимся из уст людей. Слегка касаясь золотистых рам, разглядывая маленькие узоры, я пыталась заземлиться, чувствуя острый взгляд Хуго, словно кинжал, что вонзался в спину.

Так я добралась до высокого шкафа, напоминающего отдельную комнату с дверью, тяжёлой как каменная лестница. Будто кто-то и пытался покуситься на это место... И они были. Правда, после каждого такого раза мы выходили к реке и смотрели, как проплывал труп нашего врага.

Праздность.

Смело отворив дверь, я схватила чёрно-серебристый китель и мою истинную форму — ту, что ношу с того самого дня, — и бросила всё с грохотом на стол, привлекая внимание Хуго.

— Так ты теперь...? — искренне удивился он, рассматривая красоту мглы, окутывающей мою одежду.

— Теперь я хочу виски, Хуго, — устало произнесла я, аккуратно снимая с себя мешающую ткань.

— Грация, — ухмыльнулся он и направился к стеклянному шкафу с дорогим алкоголем и неизменными сигаретами, дым которых мы вдыхали, словно погружаясь в самый драматический период жизни.

Лучи лунного света блистали, и, двигаясь плавно в ритме собственного безумия, я постепенно раздевалась, порой игриво маня и даже смущая мою неженку. А я довольствовалась собой.

— Узнаю Грацию, в которой царит похоть и жизнь, — хмыкнул Хуго, усевшись в кресло и исподлобья наблюдая за танцем.

Атлас, облегающий мою грудь и бедра, то скользил вниз, то поднимался — отказ от внушающей эротику угрозы, только сам танец разливался по венам так же стремительно, как виски затуманивали разум Хуго. А я вновь устроила в голове бал Сатаны, где я дочка самого дьявола.

— Грация, — ласковый голос у самого уха, холодное прикосновение кожи заставило меня немедленно выйти из фантазий, вернувшись в реальность денег, алчности и похоти. Или это не фантазии? Парень взял меня под локоть, останавливая танец вечности, как назвал его Анхель и повёл к трону, протянув бокал с виски. Глоток обжёг горло, наполняя тело

теплом, расслабляя и возбуждая — прошло четыре года со дня смерти Анхеля, а те мужчины, что пытались броситься на меня, плывут у берегов Стикс.

— Будь ты моим откровением, я стала бы лишь твоим искушением, — шептала я, грациозно извиваясь в худощавых руках.

— Уверена, моя кровавая богиня? — страстный выдох в шею, морозные пальцы пробежали по коже, разогревая напряжение. Дразнили, внушая забыть о мире и поддаться.

Хуго ухватил меня за бёдра, усадил к себе на колени, и волна напряжения пробежала по телу — так же сильно, как и его возбуждение. Я скользила по его коленям, избегая беззащитного места, но он не выдержал — вцепился губами в шею, притянул к себе, оставляя влажный след к ключицам.

— Хуго, — начала я с издёвкой, ловко развернувшись и уткнувшись в его лоб — в этот пьяный зелёный взгляд, — неженка мой, — мягко взяла его за скулы, приподняв подбородок. Он дьявольски улыбнулся и чуть прикусил губу, — вспомнил, как было?

— А ты чертовски хороша, милая Грация, — прошептал он, пытаясь приблизиться, — но ты не моя, и я не твой, — и

поцеловал меня в лоб, бережно отпуская, — поэтому остановимся прямо сейчас.

— А что дальше? — кошачьи искры блеснули в моих глазах.

— Если бы ты захотела, я бы трахал тебя без устали, — усмехнулся он, расстёгивая рубашку, обнажая торс, — но ты не захочешь, как бы тело не требовало, — бросил рубашку в сторону и встал, уперевшись руками в стол по обе стороны от моих ног.

Он смотрел в мои чёрные, словно мгла, глаза.

— Ты прав, — вздохнула я, — ты невероятно сексуален. А если... — задумалась, но Хуго словно прочёл мысленный вопрос.

— Грация, не в первый раз мы вдвоем, — ухмыльнулся он, взяв меня за подбородок, касаясь губ.

— Не в первый, — ответила я смело, улыбаясь, упёрлась коленом в пах — тогда ещё такой желанный.

— Было дело, — улыбнулся Хуго, поворачиваясь спиной. Я провела когтями по его бледной спине.

— Это мне очень нравится, — рассмеялся он, слегка присев, — залезай, танцовщица, отнесу тебя спать.

Я тепло рассмеялась и забралась на спину к высокому вампиру.

Мы направлялись к двери, но внезапно я спрыгнула, крикнув:

— Хуго!

Он устало посмотрел на меня, пробормотал что-то непонятное, — «китель» — но заметил, как я улыбаюсь со злостью:

— Ох, неженка моя, да ещё и ворчливая?

— Ну, ворчливая, — согласился он, опуская глаза.

— Ничего, неженка мой, — мягко сказала я, — я тебя очень сильно люблю. Подставляй лоб.

По-детски звонко рассмеялся, и он наклонился, принимая поцелуй.

— Хуго, — строго сказала я, — время пришло. Мне нужно вспомнить всё.

Я развернулась к нему, увидев задумчивый взгляд.

— Как скажете, госпожа Велес, — твёрдо произнёс он, давая понять: он готов к этому дню. Ведь я стала главой гильдии наёмных убийц.

Глава 6

— А может, стоит оставить всё как есть?

— Да, оставь всё. Сравни себя с землёй и гнилью.

И если тебе не нравится — перестань злоупотреблять своим заземлением, продолжая валяться на дороге к кладбищу. Ведь мы все туда рано или поздно придём. Ты стремительно превращаешься в отродье, никуда не стремясь и ничего не делая. Быть может, тебе нравится быть среди гнилых и быть частью этой гнили.

Я умываю руки. Пусть ты останешься с той серой массой, которую мы топчем.

Какое-то тихое сопение, переходящее в почти беззвучный храп, доносилось от моей ворчливой неженки, валявшейся на второй половине кожаного дивана. Картина была бы весьма умиротворяющей, если бы не жёсткая реальность: после виски Хуго хотелось немедленно пристрелить от заносчивого и громкого храпа — совершенно непривычного для его телосложения. Развалившаяся звезда почти вытеснила меня, легко подталкивая к краю и в конце концов столкнув на холодный пол.

— Чёрт, Хуго! — зашипела я, лёжа на плотно остывающем полу, словно пытаюсь охладить голову, — и хоть бы что! Сопит, храпит, ещё и меня скинул! — недовольно добавила, упираясь в диван и пытаюсь пару минут подняться.

— И кто из нас здесь ворчливая неженка? — пробурчал парень глухо, переворачиваясь на другой бок.

— Ох, и свалился же ты мне на голову, — чуть грустно выдохнула я, присев рядом и разглядывая его дремлющее лицо, замечая иногда дрожащие ресницы.

— Я не просил, чтобы меня спасали, — злобно рыкнул он, зарываясь с головой под одеяло. — Может, и не надо было нас спасать... — глубоко вздохнул. — Возможно, мы были бы где-то далеко, но вместе. Вместе с ней. — Лёгкое шевеление, и он снова отвернулся.

— Любящий ты мой мальчишка, — по-доброму усмехнулась я, снимая одеяло с его головы и запуская пальцы в золотистые кудри, вспоминая, как я пыталась спасти каждого из них по-отдельности, вновь подтасовывая ветки реальности. Хотя можно ли назвать спасением то, что я ушла однажды ночью из гильдии для того, чтобы не подвергать никого опасности?

— Я запутался, — с досадой признался он, всё ещё лежа ко мне спиной.

— Мы выберемся. Мы обязательно выберемся, чего бы это нам ни стоило, — ласково прошептала я, губами касаясь острой лопатки.

— Обещаешь? — наивно прозвучал вопрос, жаждущий такого же простого и искреннего ответа.

— Обещаю, милый. Обещаю, — твёрдо ответила я, понимая, что это обещание сложно исполнить.

Я встала с дивана, направляясь к открытой двери, чуть расправив слишком большую мужскую футболку, которую надела совсем недавно.

— Я больше к ней ничего не чувствую, — равнодушно пробормотал Хуго, но у меня вспыхнуло острое дежавю: сцена моего побега по лестнице и Витторио, взволнованно кричащий, что больше не любит Аллегру.

— Какие знакомые слова, — горько усмехнулась я, повернувшись к нему.

— Может, я и ошибаюсь, — продолжал Хуго, но я не вслушивалась в его слова, — но знаю одно: было. И никуда от этого не убежишь. И перестань вспоминать этого ублюдка, Грация.

— Ты как никогда прав, — твёрдо сказала я, улыбаясь, — и смеюсь до сих пор с тех слов, — в сердце не осталось ни царапины.

Кажется, всё зажило.

Лунный отблеск отражался в окне в полный рост. Я стояла у большого окна, прислушиваясь к треску камина, который мы оставили, чтобы кому-то было уютно. Лёгкий ветер задувал сквозь щелочку, пробуждая мурашки на коже, словно пытаюсь вырвать меня из зыбучего сна. Вдохнув запах дыма, я драматично взглянула на сияющую луну.

Сигарета изящно покачивалась между пальцами, готовая упасть. Голова постепенно освобождалась от мрачных мыслей и старалась принять новую реальность. Но успокаивало лишь тихое сопение с дивана — надежда, пусть и чёртова.

Но поможет ли она? Поможет.

Вздыхнув, докурила бесшумную чёрную сигарету, ту са-

мую, что когда-то принадлежала Ему. Оставив свои печали, я двинулась к своей судьбе. Отворив массивную дверь, я скользнула в длинный каменный коридор с множеством пустующих комнат. Темнота перестала быть страхом — здесь было моё спокойствие и вера, что со мной те, кто принадлежит тьме. Я шла вперёд и остановилась у двери — с болью и треском открыла её, не колеблясь. Запах парфюма — идеального, контролирующего всё до мельчайших деталей, но с видимой попыткой удержать контроль. Комната напоминала о нашем пребывании здесь, о счастливых временах.

Широкая мягкая кровать с чёрными краями и ножками, роспись которых всё ещё ворочалась внутри меня, была покрыта разглаженным красным бархатом — поверх привычной мне мглы.

Я не включала свет. Не искала торшер. Только смотрела на пушистые тёмные облака, пытающиеся поглотить бедную Луну.

Или, может, это рождение новой эпохи.

Камень под руками холодный, и я медленно ощущаю собственное тело, приближаясь к оставленной одежде. Единственного — золотистого кителя — не было рядом. Я замерла, поглаживая вещи, некогда принадлежавшие Господину. Глаза загорелись, будто показывая то, что потеряно. Тело не двигалось, пока взгляд не упал на кинжал — мрачный, укра-

шенный узорами и тяжёлыми цепями, с кроваво-красным рубином в центре. Последний раз я видела его на свадьбе, во время последней битвы.

— Не может быть! — воскликнула я, ощущая ледяной холод и тяжесть стальных цепей, внезапно сковавших меня.

— Может, — твердо ответил голос сзади.

Я резко отпрянула, обернувшись.

Тень.

Она снова здесь. Снова со мной. Высокая, длинная.

— Ты знаешь, что нужно сделать, Грация. Время пришло, — тихо сказал чёрт, приближаясь, указывая на капли крови, стёкшие по острому лезвию.

Я кивнула — оставалось только одно: неглубоко вонзить кинжал в запястье и дать крови медленно разлиться по телу, как бы мерзко это ни звучало.

— Грация! — раздался крик Хуго, врывающегося в комнату, с удивлёнными глазами, не понимающего происходящего.

Я замахнулась, почти безболезненно сделав удар — он вскрикнул и бросился ко мне, но тень мгновенно перегородила путь.

— Вы! — злостно воскликнул Хуго, пытаясь вырваться из смертельной хватки.

— С того измерения? — рассмеялся чёрт. — Мы — из этого, и нам велено быть рядом с ней. Хотя, признайся — мы уважаем её не меньше дьявола, и потому верны. Не смей мешать тому, что должно случиться!

— Грация! — снова закричал Хуго, пытаясь вырваться, но я уже вонзила кинжал.

Вены налились мглой, когти выросли, а вокруг меня воцарилась злостная аура, тысячи теней прильнули, вселяя новую силу и повинаясь молча. Ветер набирал силу, поднимая мои блестящие стальные волосы, ослепляющие даже в темноте. Глаза потемнели, оставляя лишь небольшой свет и кроваво-красный ободок.

— Грация! — пытался всё остановить Хуго, но раздался гром, и сила внутри меня пронеслась по всему городу, оставляя тени и бордовую ауру с глазами океанов.

— Ты готова? — улыбнулся он.

Чёрт отпустил Хуго и вышел, оставив нас наедине.

Но в дверном проёме появился высокий мужчина в бордовом костюме с взъерошенными волосами и лазурными глазами, устремлёнными прямо в меня.

— Анхель! — вскрикнула я, пытаясь броситься к нему, но внезапная боль в висках и головокружение заставили упасть. Не удержавшись, я прочертила линию по полу и начала терять сознание. Я опиралась на дверной косяк, мои глаза медленно закрывались от слабости. Анхель, заметив это, шагнул вперёд, осторожно обнял меня за талию, крепко поддерживая.

— Грация... (тихо, почти шёпотом) — говори со мной, пожалуйста, — его голос дрожал от тревоги. В каждом слове — любовь и страх потерять.

Я медленно открыла глаза, встретив его взгляд — солнце и тьма одновременно. Не нужны были слова, в его глазах горела преданность и бессловесное обещание: «Я с тобой до конца». Он улыбнулся сквозь тревогу, наклонился и поцеловал меня в лоб — нежно, почти благоговейно.

— Ты моя жизнь, — шептал он, проводя пальцами по моей щеке. — Я всегда буду рядом, что бы ни случилось.

Внутри меня что-то отозвалось, тепло распространилось по венам — несмотря на усталость и тьму в душе, я ощущала опору и любовь, способные удержать мою разрушающую силу. Только он, только он был для меня всем, самым ценным, самым желанным в этой жизни.

— Я... не боюсь, — едва слышно сказала я, слегка сжав его руку. — Пока ты рядом, мне ничего не страшно.

Анхель крепче прижал меня к себе, будто хотел влить в меня всю свою силу и защиту. Я чувствовала себя дома, по-настоящему дома, ощущала, как он заваривал мне лавандовый чай, а я терялась в его крепких руках, державших меня с самой сильной любовью, которую я когда-либо видела. Без слов, лишь взглядами и прикосновениями, мы обменивались обетами, которые были сильнее любого клятвенника:

Наступило молчание — но в нём звучала музыка глубокой любви, которой не нужны слова.

Были ли мы вместе счастливы?

Никто не знает. Абсолютно никто.

К сожалению или к счастью, мы можем лишь догадываться, но время пришло. Пора действительно всё вспомнить. То, как это было на самом деле. Пора окунуться в омут событий и расставить всё по местам, а тебе, дорогой читатель, приготовиться погрузиться в хронологию событий этой интересной книги. Начнём с начала.

А что насчёт тебя, Витторио? Ты тот, про кого я написала этот роман, который сейчас у тебя в руках. Скажи — ты помнишь меня? А как называл меня ласточкой?

Ты готов всё вспомнить, Витторио?

Глава 7

*Смакуешь вкус свободы, Грация?
Будь готова пожинать плоды смерти.*

Не получилось. Ни выйти сухой из воды, ни принять происходящее, ни перестать питать отвращение. Оно, как тонкий слиток яда, скиталось внутри моего сердца, так и не наложив заживляющую заплатку — ту, что была мне так нужна.

Ведь кто, если не он, способен предать и убить? И кто, если не я, может влюбиться в убийцу и отправить его прямо к берегам Стикс — туда, где кроваво-красные, извилистые реки текут, бесконечно слыша истерзанные души, запечатанные навек в камень. Теперь его лицо украшает притон грешников.

План рабочий.

Удовлетворённость присутствует.
Вы знаете, где меня искать.

Так вот, где я проснулась, когда меня убили?
На кладбище.

И да, на нём я буду много и много раз. Но сейчас моя избитая горем сущность, так искренне подавленная самозванцем, ворвавшимся в мою жизнь, радостно хохочет, оказавшись среди мёртвых. Довольно прохладная и влажная, на первый взгляд, земля придавала ясность моему сознанию. Будем честны: когда в тебя вонзают клинок, более отрезвляющей ситуации не придумаешь.

Время неслось вперёд, но для меня оно стало чем-то обыденным — стоило ли куда-то торопиться после стольких слов и откровений, после беспрекословной лжи и предательств, после нахального вранья самой себе? Пора пересмотреть приоритеты и насладиться моментом покоя вместе с холодными. Я солгала ему тогда: так и не простила, но чувства охватили меня, и было сладостно отказываться признать это.

«Омерзительно», — вторила я, лежа среди могил.

Бесконечное красивое небо, на котором медленно плыли тёмные, чуть томные, но такие притягательные облака...

А что, если попадая в новую эпоху, ты меняешь всю свою жизнь?

Тучи, постепенно нагнетающие мрак, собирались в одном месте, нависая друг над другом, скрывая свет — и я поняла:

мир снова погрузился во мглу.

Добро пожаловать в свою новую жизнь.

Под моим телом чувствовалась живность, изредка щеко-ча, вызывая тёплые эмоции, несмотря на неизвестный скрежет и хриплый баритон, что изо дня в день петлял здесь уже многие годы.

Этот город был мне не родным — отвратительным, как я и представляла его.

«Надо было подумать о чёрном коте», — пробурчала я, фантазируя о своей жизни, будучи грациозной кошкой.

В свои двадцать один я жила иначе, чем обычно живут люди в современной эпохе — вокруг готика, почти исчезнувшая, в этом гнилом городке с такими же гнилыми, гневливыми людьми, чья злость выплёскивалась в звериных поступках. Они ненавидели и разрушали друг друга словами и оружием, ощущая себя королями мира. Но сейчас, в полном умиротворении, я была в собственном покое — искала ответы у смерти, которая стремилась направить меня по своему пути. По пути смерти или пути тьмы?

Морозный ветер. Перепутье. Моя лёгкая кофта, словно старая тряпка, почти дырявые брюки, в которые старались

проникнуть существа. Пока холод не пробрался внутрь, я имела право лежать здесь, любуясь теми, кто крестился при входе. О тех местах ходили слухи: о жестоких убийствах, выживших вампирах, а порой и о самом Дьяволе.

Во что верить — решайте сами. Я предлагаю окунуться в загробный, такой особенный и прекрасный мир на этой кровавой земле. Я никогда не уходила дальше десяти метров от ворот. И всегда пряталась у толстого дерева, которое меня скрывало от потускневших гнилых. Хотя они избегали таких мест, местные стражи всегда были начеку. Об этом народ говорил с ужасом: люди, работающие «на благо» города, патрулировали улицы круглосуточно, опечатывали территории — бесконечное кладбище, замок Дьявола, игральные дома, кабаре и все выезды.

Массивный каменный забор с чёрными решётками и ядовитыми пиками удерживал всех, кто пытался сбежать.

Близ кладбища ржавые цепи давали мне надежду, но мою семью безжалостно растоптали, не давая взглянуть на тех, кто, возможно, живёт иной жизнью. Люди не стремились, не спешили, молчали, теряясь в грязи вечного забвения. И вот казалось, что всё стало понятным. Но тогда бы я не лежала среди холодных могил, не размышляя...

Взгляд острый — я резко поднялась, отряхнула тряпки, что тошнило меня сначала, но теперь стали частью образа нищенки. Моя смешливая живность выползала из больших дырок, словно напоминая: «Можно не двигаться, и будет всем хорошо».

Счастливо улыбнувшись, я осмотрела пространство мёртвых.

Тишину резал крик чёрного ворона, возможно, вещавшего истину.

Я, почти потерявшись в размышлениях, скрылась за воротами.

В нужном районе царила беднота: никто не замечал рядом стоящего, не понимал, что ты не человек, здесь убивали с грохотом, грабили, убаюкивали плач младенцев. Мне было выгодно посещать эту гниль, пробираться к мощным воротам с тугими цепями, готовыми сдаться тысячи смельчаков.

К сожалению, бойня случилась. Чёртовы нелюди. Сегодня я пришла домой — роскошный особняк на севере города. Без энтузиазма. В планах не было разбивать стаканы, затуманиваться виски и вспоминать прошлое. Настроение — серое, душа — тяжёлый камень, не отпускает лжец. Я проскользнула мимо охраны, оказалась в своей просторной пустой комнате. Буржуи воюют с бедными, бедные с буржуями,

преступники — сами с собой.

Я ни в чём себе не отказывала, но так и не знала, где отец, а сердце рвалось на части — я хотела вернуться и изменить прошлое.

«Он ушёл на работу» — холодно сказала мать, когда я пыталась узнать что-то.

Практически не пыталась выяснять дальше, разговаривала с гувернёром, светлым человеком, который пытался дать мне образование — но оно в этом мире страшное зло. В один знойный вечер, когда мысли утомили меня, я бросила все попытки сосредоточиться и просто смотрела в потолок.

— Ох, нравоучительный Виктор, — акцент на последнем слогe — отдаёшь ли ты себя профессии так же, как я этой жизни?

Ответов не было — только наставления родителей, которые пытались оградить меня, но оградить от истины не смогли.

Иная форма гениальности или безумия? Любовь или забота?

Идите к чёрту.

Не сомневайся — и он придёт за твоей совестью. Обернись! Сейчас же!

Тихий шелест. Робкий шёпот убаюкивает чёрт.

Я же знаю, он в отчаянии.

Он не вы, и мне не врёт.

Комендантский час — жесткий и суровый — введён после тщетных попыток сбежать. Дети бы смеялись над неуклюжими попытками беглецов. Но мне не до смеха. Я смотрю из большого окна, увитого тёмной листвой, ответвления которой стремятся обвить треснувшее стекло — как моё сердце.

Народ бросается бежать по улицам, игнорируя площадь, где служба держит в страхе всех гнилых. Контроль ужесточен, въезды и выезды почти закрыты. По местным — пришедшие из столицы, чтобы навести порядок.

«Моральные ублюдки» — фыркнула я и зашторила окно в своей спальне. Комната наполнилась тяжёлой тишиной, которая гудела между нами громче любых слов. Мать, сжав губы, стояла, глядя на меня словно на чужого человека — но глаза её давно не слепы, и в них скользила старая, едва скрываемая тревога. Мать бросила на стол записку, где говорилось о том, что мои похождения на кладбище больше не тай-

ны, а отвечать за этот проступок будет глава семьи, то есть мой отец.

— Ты даже не думаешь, какую боль причиняешь нам всем, Грация... — голос дрогнул, будто сложенная сталь, — никогда не думала, что дойдёт до этого.

Я встретила её взгляд твёрдо и холодно — не из-за жестокости, а потому, что годы научили меня отгораживаться от этих ран.

— Боль пришла не от меня, — ответила я тихо, — она накапливалась с каждым твоим молчанием, каждым безжалостным упрёком, каждой ложью, спрятанной за твоей заботой. Её глаза чуть расширились, в них мелькнуло что-то похожее на сожаление, но тут же оно растаяло, уступив место привычной горечи.

— Я делала для тебя всё, чтобы уберечь от той жестокости мира, которая поглотила меня... И скажи, чего ты добилась? Погрязла в этом хаосе и падаешь всё ниже.

Я смотрела на неё и вдруг поняла — она тоже тонула, пытаясь защититься от собственных страхов, прячась за строгость и слова, чтобы не показать, как боится потерять меня.

— Ты никогда не видела меня такой, какая я есть, — голос стал почти шепотом — больной и уязвимой, — может, страх был слишком велик, чтобы понять, что я просто хотела... чтобы ты была рядом, а не против меня.

Она дрогнула, будто поймала меня за руку в темноте.

— Время прошло, — сказала она, — и всё слишком сложно, чтобы вернуться назад. Но я не хочу потерять тебя.

Я сжала кулаки, пытаюсь удержать слёзы — не от слабости, а от осознания, как много между нами сломано.

— Мама, быть может, мы обе были пленницами своих страхов... Но если хочешь, чтобы я осталась — начни смотреть на меня иначе. Не с обвинением, а с надеждой.

Её глаза нашли мои, и впервые за много лет в них заблестел свет — не идеальный, не безупречный, но живой. Она не ответила ничего, снова, просто развернулась и покинула комнату, оставляя меня вновь в борьбе со своими острыми страхами, и нескончаемыми мыслями.

Признай, знакомо, когда за свои поступки головой отвечают другие.

Признай, как тебе было горько умирать из-за чьей-то опрометчивости.

Просто признай это, Грация.

Почувствуй, как это принятие так и растекается по твоему телу, вновь впуская в тебя кислород.

Теперь ты можешь дышать.

Глава 8

Ангел, мой?

Где столько чести потеряли?

Ангел, мой?

Где мне спастись от бед своих?

До сегодняшнего дня всё шло довольно обыденно: я скрывалась в скудных улочках, проникая на кладбище, разговаривая с мёртвыми. Это было место, где моя душа оказалась, прежде чем начать новую жизнь — уже с багажом прошедших уроков, тех, что нам предстоит усвоить, иначе — умереть и не переродиться вновь.

День за днём, свернувшись в клубок мыслей, с каждым годом становясь старше, я не ощущала себя взрослеющей — скорее призраком двадцати двухлетней, но с памятью, домыслами и переживаниями, в сотни раз превосходящими человеческие мерки. Я называю этот лишний год запасным, потому что обрела себя настоящую уже сейчас, помня до мельчайших деталей своё мнимое прошлое.

Но разве мы не знаем: мелочи — это лишь иллюзия?

Так считаю и по сей день, напоминая себе, что жила в эпо-

хе, не подходящей мне ни духом, ни стилем. Как же я могла выбрать между будничной современностью и возрождающейся готикой? Кто мог предвидеть, что встречу истинных ценителей вдохновения совсем скоро?

Я была зависима от размышлений, иллюзий и философии, понимала, насколько безболезненно и тягуче погружаюсь в бездонную пропасть жизни, из которой вернуться — куда сложнее, чем уйти. Но я вовсе не сопротивлялась, наоборот — ныряла с головой, чтобы остаться навсегда среди вечных замыслов и бескрайних поисков.

И, быть может, стать той самой тенью?
Хотя... какой тенью, если у меня нет дара?

Никаких способностей: ни быстроты, ни ловкости, ни особых глаз, ни полного подчинения чужому разуму. Ничего такого и близко не наблюдалось. Наверняка вы спросите, как я тогда раскрыла свой дар? Просто наблюдала за собой, за другими, следила за эмоциями и поступками, за рождением и смертью, а ещё слушала отца — он тоже был одарённым, и порой я вслушивалась в его пленительно-завлекающие сны...

И однажды... я нечаянно убила человека, но это история для другого раза. Или, может, продуктивней будет показать

на практике? Довольно вкусно, правда?

Мой дар всегда был сильнее, глубже и стремительнее, словно пытаюсь успеть за временем. Но можно ли догнать время, когда поколения старших — умнее и ловчее? Впрочем, исключая лишь самые до ужаса живые, страшные и интересные сны...

Тех самых?

Тех самых.

«Главное — не наткнуться в библиотеке на послания, которые заявляют, что ты — дочь дьявола, верно, Грация?»

«Или, может, мне стоит называть тебя, моя милая, Элизабет?»

Последний вопрос вонзился остро в сознание, напомнив о стоящих передо мной проблемах — о матери, растрёпанной и гордо разряженной, словно зверь, и моём откровенно не стыдливом лице.

— Всё из-за тебя... — голос матери прорезался, не такой уже и злой, а скорее наполненный разочарованием и усталостью. — Ты хуже всех, Грация... хуже. Я... я боюсь, что теряю тебя.

Её слова звучали резче, чем хотелось бы, но в них сквозила старая боль, сдерживаемая весь этот долгий час. В её карих глазах не было ни слёз, ни жалости — только пустота, которая больно прожигала меня насквозь, будто напоминая о дыре в моём собственном сердце.

«Я такое же чудовище, правда, мама?» — мелькнула мысль в голове, озвучив всю мою внутреннюю борьбу.

— Пожалуйста... дай мне уйти, — я говорила спокойно, чуть отступая, пытаюсь не накалять атмосферу. Я не хотела драться с ней, но каждое её слово было словно камень, от которого невозможно увернуться.

— Иди! — выдохнула мать, указывая в сторону двери, но голос уже дрожал, словно она сама не хотела этого. Идти было нельзя, оставаться тоже. Мне стало страшно.

— Какая же ты жалкая. Какая... — она схватилась за живот и вдруг боль уронила её на колени. Её смех растаял в истеричном рыдании, она удалилась, молча. Я замерла, сердце рвалось, но одновременно внутри меня разгорался холод, я села на пол, дрожащими руками глядя свои волосы и шёпотом благодарила тишину, что она мне помогла.

Собрав силы, я подошла к шкафу и, стараясь не смотреть

назад, быстро стала выбирать одежду, в которой могла бы драться — без жалости и сожалений.

Знала: приближается судный день. И я должна быть готова.

Выдернула кожаные штаны, узкую куртку, которая едва застёгивалась на груди, укрыла половину лица тёмным плотным шарфом. Ноги сжали почти до боли высокие берцы на шнуровке — именно в них двигаться было легче. Достать всё нужного размера было настоящей бедой — всё только из столицы.

Единственным ярким пятном стал красный парик — украденный в юности из обветшалого борделя — кровавый, дерзкий, соблазнительный. Волосы ниже пояса, с милой челкой по обе стороны лица, и я чувствовала, как внутренний огонь разгорается. Без кинжала — уходить нельзя. Этот отец просил беречь его «до конца».

— Такой красивый... — шепнула я, взяв оружие, глядя ладонью острое лезвие и замороженно рассматривая золотистые цепи на чёрной рукояти, украшенной узорами. Слышала ли ты о нём? Когда-нибудь этот рубин напитает людская кровь.

— Пора, — твердо сказала я себе и, выбежав через окно, скрылась в переулке. Моя главная цель — найти отца живым.

Странно, но наши отношения с ним были тёплыми — несмотря на подростковое отчаянье, когда мне казалось, что хочу повеситься. Сейчас я просто желала повесить кого-то другого. Но сейчас не о том. Он знал о моём даре и пытался наладить со мной связь, подарив на восемнадцатилетие кинжал и приказав защищать его.

Пожалуй, время настало.

С надеждой, что мои глаза не увидят ужаса, и с ожиданием, что меня ждёт... что-то большее, чем страх.

Я бежала по дорогам, ведущим на кладбище.

«Будь они там... Но, если увижу пустое место, словно камень упадёт с сердца.» — эта мысль, что сломала моё дыхание.

«Почему кажется, что настоящий ужас только начинается?»

Я уже была на подходе. Тихо перешла на шаг, насторо-

женно огляделась — людей вокруг не было, лишь множество сотрудников службы, жёстко патрулировавших территорию. И только тогда, вспомнив свои алые локоны, удивилась собственной наивности: как можно было не заметить красноволосую девушку, стремительно пробирающуюся среди труб?

Значит, я стану той, кто вскрыет чужие души. — с гордой решимостью произнесла я, ещё раз оглянулась и, словно грациозная кошка, медленно и бесшумно забралась по пожарной лестнице на крышу. Пристроилась у небольшой пристройки — стараясь услышать, понять, что происходит. Минуты шли, но ситуация казалась безнадёжной. Смачно выругавшись, я рискнула подвинуться ближе, плотно прижимаясь к стене, чтобы не попасться под прицел и не быть тут же убитой.

«Отец!» — мелькнуло в голове. Я услышала знакомый голос, разглядела обстановку: у ворот в мир мёртвых стояли четверо мужчин в тусклых одеждах и огромных капюшонах, ожесточённо обсуждающих что-то.

— Нет! Даже пальцем не трогайте её! — рявкнул отец, стоя в центре.

— У нас был уговор, Вентури, — голос моложе и строже.

— Заткнись, щенок! — перекричал его другой в серой, на первый взгляд ядовитой форме, — мы всех перережем, друг ты отца или нет! — Он заложил руку за пазуху, достал револьвер, приставил дуло ко лбу отца. — Прости, Гробовщик... — слабо усмехнулся и снял с предохранителя.

«Гробовщик?! Не может быть... Он здесь? Отец, нет!» — кричала я внутри, сдерживаясь, чтобы не броситься под огонь.

— У меня договорённость с твоим паханом, — продолжал страж, — но не с тобой. С лёгкостью перестреляю твоих друзей здесь и сейчас, — с издёвкой говорил он.

«С нами? Значит ты бывший наш человек...»

Отец стоял неподвижно, будто вкопанный, а я судорожно пыталась дышать, наблюдая, как, может, вот-вот свершится смерть.

— Заткнись! — выстрелил оттенком ужаса голос помоложе: — Его дочь была на моей территории, и я решаю, что с ней делать.

— Не ты тут главный, — язвительно бросил глава стра-

жей. — Я не пристрелил его лишь потому, что он ценен... И наш господин не одобрит.

Гробовщик выступил вперёд, шаг за шагом приближаясь к врагу.

— Глупый, дрянной, гнилой, отродье, — произнёс он по слогам, усиливая напряжение. Шепнул что-то мне непонятное и отпрянул, заставляя врага нервно сглотнуть и слегка ослабить хватку — дуло немного опустилось.

— Да не носи чушь, — вмешался высокий мужчина, похожий на фонарный столб, — пристрелишь — будет переворот, как в прошлый раз.

Он встал рядом с отцом, попытался осторожно отодвинуть револьвер, но двое крепких подручных схватили его и заставили опуститься на колени.

— Почему ты не действуешь?! — вскрикнула я, забыв, что нахожусь всего в нескольких метрах, — твою мать! — срываясь на крик, осознала, что выдала себя.

— Выйди! — приказал один из стражей, направляясь прямо ко мне сверху. — Покажись, иначе — ...

Я пригнулась, кинжал уже был готов к бою. Но приказ

так и не был завершён — лезвие рассекло его горло, пустив первую кровь в оружие. Человек рухнул мёртвым, глаза вытаращились, изо рта и носа вытекла странная пенистая жидкость.

«Отравлен... Как всегда предусмотрительно, папа...» — вынесла вердикт, замечая легкое побледнение лица «главного».

«Запомню тебя», — злобно шипела про себя.

— Эй! — раздражённо сжал револьвер тот самый, который пытался атаковать, — сколько можно?

Но никто не отвечал. Вместо этого раздался душераздирающий крик, разрывающий меня изнутри так остро, словно раньше я и не знала боли. Она режет и колет, уничтожает органы, ломает кости — и формирует новое тело.

Мои вопли, оглушающие и непрекращающиеся, заполняли пространство. Кто-то закрыл уши. Статный двухметровый боец выбил револьвер и вlepил нахалу такой удар, что тот рухнул мордой в камни.

— Сзади! — чуть громче привычного прозвучал мягкий, бархатный голос Гробовщика. Он оставался неподви-

жен, словно тень, в то время как отец отразил ещё одну атаку нападавших. Битва слилась с моим криком, моим ревом смерти — будто так и должно быть — когда тебя разрывают на части, а другие пользуются ситуацией.

Абсолютно.

Всё небо затянуло тучей.

Надежды нет, просвет мёртв.

Режущие вопли стихли так же внезапно, как и начались. Я пыталась прийти в себя, бессильно наблюдая за своей новой белоснежной, почти сияющей кожей, острыми когтями, способными одним движением вскрыть чьё-то горло, мощными руками и ногами, вместо прежних нежных щёк. Взгляд зацепился за знакомую лужу крови.

На меня уставились два горящих рубиновых глаза — глаза желания новой плоти. Внезапно я выскочила из укрытия, резво и лихо, и оказалась перед отцом. Я смотрела на него наивно, так по-детски.

— Подыграй мне, — только губами прошептала я, крепче сжимая кинжал и вступила в бой с нескончаемыми ордами гнилых рабов.

Мои движения... такие быстрые, ах! Такие красивые, такие искусные! Одного касания хватало, чтобы лишиться врага жизни и души. Это ли не прекрасно? Эти изгибы в коже, обнимающей моё тело, чертовски сексуальны — пленяли взгляд и смертью затмевали всё вокруг.

Теперь я стала воплощением рубинового камня — новой личностью во мне.

«Какая скорость!» — восхищалась я сама собой, нанося точечные удары «обезумевшей» охране.

«Какая сила!» — меня распирало от собственного дьявола внутри.

«Какая я!»

— Уходим! — крикнул отец. Дождавшись ещё нескольких в мантиях, скрылись все прочь, крепко держась друг за друга и помогая нести раненых. Также поступил и двухметровый гигант, оставляя меня наедине с самым жестоким и сумасшедшим — убийцей, чьё имя обросло ужаснейшими слухами среди гнилых. Никто не смел смотреть ему в лицо, и службы избегали задерживать его.

Попытка была одна.

Один Гробовщик.

Пятнадцать трупов.

Он приблизился бесшумно, как тень. Его выдох — словно ледяной поток — долетел до моего уха, возбуждая нервы, пуская по коже тысячи мурашек.

— Для молодого вампира — впечатляюще, — произнёс он, я же резво развернувшись, сдернула с него капюшон.

Передо мной был он — тот, кого боится любой живой.

Блестящий.

Невозможный.

Вселенски-божественный.

Дьявольски искушающий.

Тёмные, загадочные волосы, волны которых мягко спадали, кроме небрежно уложенной челки, скрывавшей россыпь родинок, что тянулись до слегка приплюснутого носа с тонкими очертаниями.

Возможно, можно было бы всё забыть — но эти океанические лазурные глаза, изучавшие мои рубиновые вспышки, проникали глубоко внутрь — заглядывали в душу, словно хозяева тамошних миров, будто выкорчёвывая её своими холодными пальцами.

Океан... Ты звонишь так сладостно, маня туда оказаться.
Океан... Ты пытаешься спасти одним лишь взглядом.
Океан... Ты способен ранить молча.

Вот каким взглядом должен обладать Повелитель ночи, которым люди зовут тебя — чистым Злом. И лишь длинные ресницы и чуть припухлые губы придают ему нежность — ту самую, которую однажды безжалостно растоптал твой взгляд. Мне хотелось упереться во что-то, почувствовать опору.

«Определённо вампир», — мелькнуло в голове. «Среди гнилых нет места такой красоте. И теперь я понимаю почему.»

Как он стоял передо мной — крепкие плечи, стройное подтянутое тело, кожаные перчатки, рост чуть меньше двух метров — мне пришлось приподняться, чтобы заглянуть прямо в бездну его глаз.

И это казалось неправильным, искривлённым миром, где он не мог существовать. Мы часто забываем одну вещь, друзья:

Так выглядит Зло.

— Интересно? — подал голос Гробовщик, сделав шаг и оставив между нами чуть-чуть пространства — того самого, которое я решила заполнить своей кровью.

— Интересно, — повторила я, щурясь, чуть отодвигаясь назад.

Он резко схватил меня за талию, вонзая кинжал в живот.

— Никто не смеет вмешиваться в мои дела, — бросил он, наблюдая, как я шипела недовольно себе под нос — тихо ругаясь.

— Чёрт тебя подери! — выдохнула я, прижимая ладонь к ране, медленно опускаясь на колени. Пыталась остановить кровь. Не получалось.

— Жги! — небрежно шепнул рядом возникший образ тени — чёрт, прильнувший ко мне — вонзи тьму, которую вершишь! — и мрачная пелена опутала рукоять кинжала.

Гробовщик усмехнулся, грубо вытаскивая оружие и протирая его от крови.

— Как твоё имя? — невпопад спросил он, всматриваясь мне в глаза.

Мужчина аккуратно поднял мой подбородок, потянул к себе с лёгким подозрением, а, кажется, и интересом, рассматривая черты лица.

Я не отпускала кинжал, молниеносно поднялась и вонзила его отравлённое лезвие в самую душу зла — там, где, наверное, нет души вовсе.

— Мое имя — Ама­тэ­расу, — прохладно произнесла, продолжая смотреть в ярко-синие глаза и замечая, что мускулы на лице не дрогнули. — В честь Богини Солнца.

— Значит, кровавая богиня? — послышался сладостный баритон вдали, словно оставшийся где-то в прошлом, и оставленный без внимания...

Зло придет за Злом.
Комедия или жизнь?

Глава 9

Верите ли вы в Бога? А в Дьявола?

Комедийность — такая обречённая, что стала центром безгливости моего сознания. Безумцы за масками нищих, убивавшие просто из желания.

Какие деньги?

Какая слава в мире преступном?

Только жажда испортить гнилое — утолить свои мерзкие потребности, и в жизни, и после. Некрофилы. Они существовали в трущобах, где я уже Божий час сную, пытаюсь остановить сочившуюся кровоточащую рану.

Моё тело еле справлялось, чтобы не стать холодным прямо сейчас, а даже ускоренное восстановление подводило — и я погружалась в ступор с каждым мгновением. «Как это возможно? Это всего лишь обычный клинок!» — бредила я среди равнодушных прохожих. — «Следов яда нет...»

Сделав глубокий вдох, я прислонилась спиной к выцветшему ларьку с неразборчивой вывеской. Меня всё сильнее

крутило, горло цепляла боль, и тело становилось всё бледнее.

«Почему так больно?» — стонала внутри, глядя на бегущих мимо детей, слепых к моей боли. — «Кто ты, чёртов Гробовщик?» — в гневе я ударила по холодному камню, чуть не оставив трещину. — «Мой дар становится сильнее...»

Внезапно на меня свалились три пожелтевших листа бумаги. Одной рукой я прижимала рану, другой разглаживала пожелтевшие свертки. На всех красовалась зловещая надпись:

«Крайне опасен»

Она съедала мой разум, как только я увидела знакомую картину — одинаковую предостерегающую метку на каждом.

Первый лист:

«Отец! Опасен?» — я положила его рядом, в бессилии.

Второй:

«Конечно, никто не сомневался, Гробовщик!» — злость поглощала меня.

Третий:

«Высокий и статный.» — воспоминания битвы пронзили меня.

Фотографии были черно-белые, с приглушённым желто-чёрным оттенком, словно старый пергамент. Мужчина на третьей — примерно сорокалетний, худощавый, с мокрыми, словно испачканными, тёмными и волнистыми волосами. Казалось, он пытался скрыть свои злосчастные кудри.

— Я догадывалась, но не хотела в это верить, — пробормотала я, глядя на фото отца. — Прости, что подвела тебя... Надеюсь, без меня вам будет легче. — Звук глубокого всхлипа пронзил мою грудь. — Я искуплю свою вину. Обещаю. Я небрежно затолкала свертки в окровавленную куртку и, зная, что в таких районах не ходит наша служба, побрела дальше — туда, где люди с пустыми и опечаленными глазами холодны, словно мертвые.

— Терпи, я держу рану... — слышался голос позади, и я обернулась.

Тень — знакомая, — помогала идти.

— Священника?! — в изумлении взглянула я на него. —
Может, нет?

— Нет. Ты примкнула к тьме, и я этому рад, но церковь тебе не враг, — твердо ответил Черт.

Через несколько минут мы были у ратуши. Красный кирпич контрастировал с острыми крышами, уходящими в облака. Немного необычайно было то, что шпиль украшал либо ангел, либо крест — но сейчас это было не важно.

Любопытство губит.

Оно корит.

Оно поучает.

С грохотом я ввалилась в церковь, натываясь на ряды деревянных скамей и оставляя за собой след из густой, тягучей крови, которая, казалось, пульсировала быстрее, как только исчезла тень Черта.

— Матерь Божья! — взвыл пожилой голос.

Рядом со мной мгновенно оказался старый священник, вся его фигура излучала убежденность и преданность католической вере: строгая сутана и колоратка — приталенное длинное платье до пят с рядом аккуратных пуговиц по цен-

тру и белым воротничком, как символ чистоты и отрешённости, обёрнутый вокруг шеи и закреплённый сзади крест.

— Что же происходит с этим городом? — горько, почти с отчаянием, проговорил он, осторожно приближаясь ко мне.

Я хрипло захрипела, умоляя о помощи, и, едва держа себя на ногах, схватилась за его сутану. В этот миг весь храм окутала волна света — вокруг меня расплылся белоснежный силуэт, и вдруг за моей спиной выросли громоздкие, невинные, как и сам священник, белоснежные крылья. Поток сияния заполнил мои рубиновые глаза непривычным светом.

— Сам ангел сошёл на Землю! — прошептал старик, голос его дрожал, — ангел, поникший в крови...

— Я... — отчаянно пыталась выговорить я, но тяжесть дыхания и слабость одолевали меня, слова рассыпались, и я сдалась непреодолимой тьме.

Тепло растекалось по телу — либо началась регенерация по воле Божьей, либо это было непримиримое путешествие в объятия смерти. Перед глазами вспыхнуло видение, словно молния.

Так я оказалась наблюдателем таинственных событий, появления которых вовсе не должна была стать свидетельни-

цей.

— Мой Господин, — начала девушка, облачённая в длинную мантию с капюшоном, кожаные доспехи, подчёркивающие её фигуру, а также наручи и поножи в идеальном состоянии, что вызвало у меня лишний интерес и заставило внимательнее наблюдать.

— Прекрати, — рычал Гробовщик. — Я не терплю слабостей. — Отступил, свирепо посмотрев на неё.

— Мой Господин, кровь не останавливается, — продолжила девушка, сдвигая мантию, мастерски начав заматывать рассечённый живот главаря. Её внешность была до боли красива: длинные смуглые волосы развивались на ветру, придавая едва заметным волнам особую привлекательность.

Глаза, отливавшие приглушённым янтарным оттенком, постоянно играли на свету, будто не могли определиться с цветом, и выказывали настороженность, словно ощущая, что за ними наблюдают. Несмотря на серьёзность, её плотные, туго затянутые косы, ниспадавшие вдоль ямочек на щеках, затмевали меня, а узор на лице, сложный и таинственный, носил особый для неё смысл — который пока оставался загадкой.

— Я справлюсь, — сквозь зубы прошипел владыка. — Я справлюсь сам.

— Нет, — отрезала воительница, слегка опустив глаза, сосредоточившись на перевязке. — Мне кажется, в этот раз не так.

— Сомневаешься во мне? — ухмыльнулся он, нагло глядя на девушку.

— Ни в коем случае, — быстро ответила та, заметно волнуясь. — Просто... я думаю, она связана с царством теней. — С этими словами она выдохнула с лёгкой победой.

— Заткнись! — зарычал Гробовщик. — Этого не может быть, мои тени... — Но подготовленная речь была грубо прервана.

— Другого измерения, мой Господин, — быстро возразила девушка. — Связана с тенями этого измерения.

— Не похоже, — нахмурился он. — Это просто новоиспечённый вампир, не более.

— Вампиров нет, — пожал плечами воин. — Есть обладатели культа разума, по крайней мере здесь. А остальные

«талантливые» отпрыски, рожденные волной, не знаю как их назвать, но не вампиры. Мы не пьем кровь сотни лет.

— Вы — их предки, Лебанон, — с нажимом произнёс глава. — И пока нет доказательств, что она с ними связана. Хотя, признаюсь, сила из неё так и прёт. — Он усмехнулся, нежно поблагодарил девушку за помощь, поцеловав её руку.

— Не стоит, мой Господин, — засмущалась та, но тут же с невозмутимостью продолжила: — Она понравилась вам.

— Понравилась, — сдержанно хмыкнул Гробовщик. — Но это не имеет значения. Быть может, я её уже убил.

— Она выживет, — резко протянула Лебанон, закинув руку на его плечо.

— Тогда... — мужчина задумался.

— Тогда знай, — серьёзно произнесла девушка, — что она имеет большое влияние в царстве теней. Они её слушаются. — И обратила внимание владыки на тёмную пелену, похожую на смог, окутывающую тело мужчины вокруг раны. Она одновременно сдерживает поток крови, но на самом деле ведёт войну с чужими тенями.

Зло продолжает идти за злом.

Тень борется с тенью.

Глава ночи влюбляется в первую встречную.

Поверили?

Может, это комедия или история, где в совершенстве я
лгу.

Глава 10

*Мы не судьи!
Но живем в мире, где Бог судья, а поощряет
Дьявол.*

— Господи! — вскрикнула я, хватаясь за рану. — Хотя... как-то неправильно мне так говорить... — я задумалась, разлепляя отёкшие глаза. — Или всё же можно?

— Господи! — вздрогнул Священник из другого конца храма. — Слава Небесам! Очнулась! — и сразу принялся читать молитву, так громко и властно, что у меня по телу побежали мурашки.

Пока старик произносил священные слова, я попыталась осмотреться. Помещение, куда я завалилась во время лихорадки, было небольшим, но вместительным, с полом под алтарём, ещё пахнущим свежим воском и маслом. Как только Священник чуть стих, я искренне надеялась, что из меня сейчас не полезут бесы и что это не процесс изгнания дьявола из святого тела.

«Ты ведь не экзорцист?» — промелькнула мысль.

«Хотя, не удивлюсь... Не удивлюсь, если ты ещё и скры-

вающийся эксгибиционист».

— Порочное дитя, — перешёл он на шёпот, навевая ещё больше подозрений, — тебе нужно соединиться со светом.

У меня было всего несколько секунд, чтобы оценить обстановку и среагировать. В душе я радовалась, что старик был в другом конце храма — это немного меня успокаивало. Но отсутствие куртки и любой обтягивающей одежды заставило меня судорожно оглядываться, натываясь взглядом то на свою перебинтованную рану, то на озабоченного Священника. Он прочёл мой вопрос по выражению лица.

— Одежда вся в крови, — тихо сказал он почти шёпотом, — но её уже постирали.

— Вы помогли мне! — мгновенно поднялась я на ноги, осматриваясь. — Я очень благодарна вам, но... — попыталась вспомнить всё произошедшее. — Сколько я спала?

В этот момент вошли две монахини, держащие мою одежду. С острым любопытством и даже с некоторым недоверием они разглядывали меня, но оживились, когда Священник что-то им прошептал на ухо, и быстро удалились, оставив нас наедине.

— Почти неделю, — размеренно произнёс старик. — Пять дней, если быть точным.

— Пять дней?! — удивилась я, направляясь к нему и изучая внутреннее убранство храма. — Почему так долго?

— Ты восстановилась, — он слегка поклонился в сторону алтаря, — и это уже по воле Божьей. Будь благодарна Ему за это. Бог тебе судья, девочка, иди своей дорогой.

— Вы знаете, кто я? — я осталась на месте, не в силах и слова вымолвить. — Вы знаете, что со мной произошло?

— Будь осторожна на улицах, — опустив голову, тихо сказал он, — даже ангелы погибают. — И ушёл прочь, оставляя меня в бесконечном потоке мыслей.

Мир изменился за эти пять дней?

Что теперь делать?

Это была громкая победа или жестокий провал, с издёвкой обнаживший меня?

Так и не дождавшись от самой себя каких-либо ответов, я выскочила на узкий переулок, ведущий на площадь с фонта-

ном, где, кроме туристических лавочек, по сути ничего и не было. Ощущения были скверные. Несмотря на то, что физически всё было более, чем в порядке — рана не ныла (хотя я даже не знала, в каком она состоянии и надеялась, что прие́млемо) — внутри покалывало какое-то необъяснимое горе, которое временами превращалось в острые, пронзительные удары в сердце. Казалось бы, за пять дней город не мог так сильно измениться, всё то же место, покрытое тлей. Верно?

Черта с два!

Это был переполох, затронувший всех.

— Но как же? — задала я себе вопрос, взглянув в ближайшее темное окно. В отражении уже не было привычных рубиновых глаз, а только мои обычные темно-карие, изредка переливавшиеся спело-оранжевым, ближе к янтарному. — Что это значило? — разглядывала я себя, резко сняла парик и аккуратно убрала его в куртку. — А ну-ка, — говорила я своему внутреннему голосу, — проверю-ка я свои силы. И только попробуй не выдать вампирские результаты! — И с этими словами значительно ускорилась, рванув в сторону от площади, чтобы проверить скорость, а затем ловко забралась на крышу, где с облегчением выдохнула.

Получилось, — победная улыбка вспыхнула на лице. — Но так передвигаться возможно только в парике и с алыми

глазами... Поэтому, недолго думая, я надела практически маскхалат и быстро скрылась с крыши.

— Это она! — донесся сзади испуганный женский голос.
— Это ты! Ты — вампир!

Я обернулась и увидела перед собой достаточно хрупкую девушку с прямо-длинными волнистыми волосами почти до пят. Её испуганно-округлённые глаза — графитового цвета, постепенно превращавшиеся в серебристые — смотрели на меня с трепетом, но в них читался и пытливый интерес. Несмотря на осторожность в позе, её женственные формы и изящные руки, держащие знакомый мне сверток, притягивали внимание.

— Что там? — спросила я без церемоний.

— Это... — девушка замаялась, и её глаза потускнели. — Вот. — Она протянула бумагу, помятую и промокшую. Почему она хранила это? Любопытство. Мы же знаем, чем это обычно заканчивается.

На свертке красовалась моя фотография с подписью, выцарапанной ядовито-красным:

«Крайне опасна»

«Вампир. Убийца. В сговоре с Гробовщиком.»

С последней фразой я чуть не рассмеялась, сдабривая смех горечью.

— Глупые людишки, — усмехнулась я. — Заберу на память. — И сунула сверток в куртку, которая казалась теперь тугой косухой.

— Да, да, — кивнула девушка, но осталась неподвижна.

— Что-нибудь ещё? — прищурилась я, наблюдая за ней.

— Да, — нервно закрутила она локон на пальце. — Я хотела бы вас зарисовать.

— Не нравится моя фотография здесь? — я снова показала ей сверток и с ухмылкой указала на своё лицо.

— Вы... вы так знамениты, — поспешно вздохнула она, сделав шаг вперёд, — Я вас боюсь, но вы очень красивы. — Её глаза округлились ещё сильнее и пристально изучали меня.

— Как тебя зовут? — перебила я, устав от этой странной встречи.

— Элис, — слабо улыбнулась она. — Так можно?

— Почему ты так близко? — я выгнула бровь, сложив руки на груди. — Если все уже знают про шесть убитых едких, зачем приближаться?

— Их было тринадцать, — поправила меня Элис, взяв на смелость говорить.

— Хм, — задумалась я. — Сильно. — Сделала паузу. — И какая гарантия, что я не убью тебя?

— А какая вам от этого выгода? — Элис шагнула ещё ближе, набравшись смелости. — Насколько я знаю, вампиры сейчас не убивают ради удовольствия.

— Милая Элис, — я щёлкнула её по носу и провела, к сожалению, не очень острыми когтями по её ещё детским щекам.

— Ты не убьёшь меня! — уверенно заявила она.

— Может, и нет. Но задерживаться точно не буду. — Я развернулась, кивая головой в знак одобрения на прощание. Но вдруг за спиной прорезался голос:

— Я живу на Востоке, недалеко от трущоб. Там есть сквер у забора. Я буду там, — сказала хрупкая девушка на одном дыхании.

— Хорошо, милая Элис, я найду тебя. И будем надеяться, что не убью, — усмехнулась я и растворилась в тенях домов.

Тьма вновь радушно встретила меня.

Ну что, местная знаменитость?

Новоиспеченный вампир, говорите?

Будет вам вампир, теперь — и я в этой игре.

Глава 11

*Отчего же мы любим
и
почему мы живем?*

Скажи мне, скажи мне правду! Мы грешны — да кто же спорит? Но — такое большое и жирное «но», которое скребёт меня поздно ночью. Знаешь почему, мой Витторио? Потому что ты решил сегодня снова потревожить мою душу, проникнуть ко мне в сон. Я уже не помню, где заснула — может, где-нибудь в старом гробу, может, на крыше, разглядывая то самое звёздное небо. Оно уже не так прекрасно, так ведь?

Нет. Это не так. Небо не виновато в твоей собственной слабости.

А ты всё продолжаешь искать меня, хочешь отыскать, забрать — чего ты хочешь? И, знаешь, нашёл — поцеловал так мокро, грязно, влажно, напористо, жадно, страстно... Ты оставлял дорожки языком на моей шее, перешёл на ключицы, обильно выцеловывая каждую косточку. А я и не противилась. И нет, я просто не поддавалась искушению — хуже. А может, лучше: я получила неисчерпаемое удовольствие от

собственного возбуждения, от твоих хриплых рыков и моих приглушённых стонов, от мурашек по коже, от твоих крепких рук...

— Ну уж нет! — свирепо зарычала я, сама себя разбудив, наткнувшись на сильный поток ветра, сдувающий всё напряжение внутри. — Я, конечно, за любовь в любом её проявлении, но не такую.

Бескрайнее небо было усыпано миллионами звёзд, и всё больше они всё глубже вселяли в меня красоту. Именно они придавали особый шарм этой ночи. Одна — яркая, но маленькая, еле заметная, но ослепляющая. Другие — чуть больше, но тусклые, словно стеклянные, которым суждено разбиться рано или поздно. Всё бьётся — просто научись видеть, где стекло, а где монументальная скала. Зайдя за неё, — попадаешь в лазурную бухту океана, где так ярко пахнет гармонией и умиротворением, и со звуком всплеска шторма, то мягким, то хлётким, словно набрасывающимся на тебя. Ты стоишь там. Тебя обдувает лёгкий прохладный ветерок. И тебе так спокойно, несмотря на то, что рядом океан.

— Наверно, ночевать на крыше четырёхэтажного здания — не такая уж плохая идея, — прокрутила я в голове, — только мерзко и противно. Всё потому, что сейчас только был март, ещё холодный, но весенний.

Сон больше не шёл. Кто бы сомневался. Хотелось вновь ощутить эту волну удовлетворения, но я прогоняла эту мысль от себя, и поэтому решила прогуляться в Восточную часть города, искренне надеясь, что та странная девушка-художница не мотается по скверу вечными кругами, или хотя бы не замерзла там насмерть. Во мне металась жгуче-противоречивые чувства. Казалось, какое дело мне до малознакомой девушки, с непонятной манией к моей персоне? Почему я вообще с ней заговорила? Почему она при первой встрече шла так смело вперёд? И почему я сейчас волнуюсь за неё так, что непроизвольно прибавляю шаг, предчувствуя приближение бури? Может, несмотря на свой эгоизм, я — душа не злая, даже щедрая и добрая. Но в этом мире нет смысла быть такой. Здесь одна ложь, алчность и похоть.

Более того — что-то заинтересовало меня в этой девчонке: её необыкновенная красота и необычность, радушие и смелый взгляд, огонь в глазах — такой же, как у меня, как у всех, кто нашёл то, что давно искал.

— Она была бы изящным вампиром, — резюмировала я, осматривая непривычные территории.

Почему эти районы не опечатаны — неизвестно. Почему эта сторона города не внушает страха, а лишь подозрение?

Почему здесь нет стражи? Здесь живут те, кто выгоден нашим едким (нашим специальным службам или местной полиции). И это уж точно не наша знакомая троица. Если эта девушка действительно в сквере — ей грозит огромная опасность. Я бежала, не зная почему, но старалась успеть, словно на кону была светлая и искренняя жизнь.

— Элис! — крикнула я, осматривая зелёное, местами пожелтевшее пространство. — Эй, Элис!

Это было моё первое здесь посещение, и лёгкая дрожь пробежала даже по моим жилам. Небольшое число разбросанных деревьев, убогий скудный водоём с мутным течением, длинная река, перетекающая через весь город с севера на юг, — вокруг располагалась смесь дряхлых домов, а рядом с ними — и «гостеприимные» особняки. Вдохнув глубоко, я почувствовала резкий и едкий запах.

— Трава, — прошипела я, метнув взгляд на громоздкие деревянные телеги с решётками, стоявшие недалеко от спуска к реке. — Твою мать! Это же район работорговцев.

Я судорожно оглядывалась, мои напряжённые глаза бежали по сторонам, высматривая девушку и в то же время изучая прохожих — с прищуром и настороженностью смотревших на меня.

— Ты... — тихий голос срывался на растерянность. Обернулась — ко мне дрожащей поступью подходила Элис. — Ты пришла.

— Пришла, пришла, — быстро сказала я, притянув её к себе. — Не отходи никуда, ясно?

— Но почему? — глаза её были наполнены тревогой, и она прижалась ко мне ещё крепче.

— Ты знаешь, чей это район? — я слегка отодвинула её, удерживая за плечи, чтобы лучше рассмотреть эти яркие графитовые глаза.

— Не знает она, — послышался резкий голос сбоку. — Элис! Я же говорил — не смей появляться здесь!

Я быстро поставила девушку за спину, крепко удерживая её и судорожно копаясь в куртке в поисках кинжала, но, к своему разочарованию, вспомнила — священник так и не отдал мне оружие. Я грязно выругалась.

— Кто ты? — завопил высокий силуэт, приближаясь ко мне с угрозой на лице. — Немедленно отпусти её!

— Нет, — ровно ответила я. — А какое ты имеешь к ней отношение?

— Хуго! — внезапно радостно закричала девушка, вырываясь.

— Искорка, — прошептал он, целуя её в макушку.

Пара отошла немного в сторону, ведя свой живой разговор, то и дело они так искренне хохотали, что их смех разносился эхом и напрочь изгонял злобные мурашки с моей кожи. Лунный свет замысловато игрался на их коже, вырисовывая передо мной новый, изумительный холст.

Хуго выглядел лет на двадцать семь, но в смехе мог сойти и за двадцать. Его высокий рост слегка контрастировал с детским лицом, на котором при каждом порыве радости забавно задргивали русые волосы с рыжим отливом. Его конечно-сти были тонкими, почти не по-человечески изгибающимися, но двигались с такой изящной лёгкостью, что я невольно сравнила его с игривым котом.

— Итак, — собрался с мыслями Хуго, подойдя ещё ближе, и с интересом, почти с трепетом, разглядывая меня. — Ты местная знаменитость. Какого было мочить этих ублюдков?

Я усмехнулась, ловя на себе его взгляд, полный удивления.

— А как же — «это люди, и я тебя так ненавижу и боюсь»? — с издёвкой спросила я. Парень лишь брезгливо скривился.

— Да какой там! — возразил Хуго с оживлённым энтузиазмом. — С превеликим удовольствием загрызу их!

— Прямо загрызёшь? — поинтересовалась я, улыбнувшись краешком губ, разглядывая яркие эмоции на его лице.

— Да ладно вам, — отмахнулся он и устало бросил взгляд на меня. — Это я так, фигурально.

— Ну как знаешь, — устало парировала я, улыбаясь. — А то я уже думала — точно здесь тебя оставлю.

Они рассмеялись, но я быстро прекратила веселье.

— Да помолчите вы! — резко потрясла головой я. — Не дай бог здесь, помимо наркоторговцев и озабоченных, ещё и некрофилы с каннибалами водятся!

— Что-то имеешь против, девчонка? — голос приблизился, и меня резко схватили за плечо, повернув лицом к себе.

— Ах ты! Какое совпадение! — с радостью воскликнул мужчина. — Местная знаменитость! Вот тебя я и искал!

Неожиданно рядом появился ещё мужчина лет под пятьдесят, в строгом костюме, с пьяными, красными глазами. Он был крепко сложен, невысок, и от резкого запаха табака, смешанного с дурманящим наркотиком, у меня чуть не закружилась голова. Я едва повернулась и попыталась вырваться.

— Не трогай её, наркоман хренов! — закричал Хуго, бросаясь к нападавшему, пытаясь защитить Элис, у которой уже к горлу приставили нож.

— Как твоё имя, куколка? — гадливо коснулся подбородка мужчина, заставляя меня дернуться. — Думаю, самое время тебя слушать. Ты мне нравишься, куколка. Такое массовое убийство только усилило мой интерес. Ты будешь работать с нами.

— С вами — ни-ког-да! — с рычанием пронесла я, по слогам.

— Ох, значит, ты действительно можешь быть связана с этим вурдалаком, — он приблизился, почти касаясь дыханием моего лица.

В это время Хуго уже был скручен, да так быстро, что я не успела даже моргнуть. Непонятно, кто был та высокая тень, стоявшая рядом, и выше всех, но парень давился от злости, наблюдая за моей перепалкой с наркоторговцами.

— Я никак не связана с ним, — гордо произнесла я, умолчав о прозвище. — Ни малейшего отношения! Всё это вздор, что пишут люди!

— Ещё лучше, — ухмыльнулся главный, — значит, будешь против них и почти Величества. — Он попытался пародировать Гробовщика, но у него это не получилось.

— Отпустите их! — настаивала я. — Отпустите их, и можно будет поговорить о сотрудничестве.

— Отпускайте! — скомандовала я, собираясь уже кричать, и, к счастью, те, пялящиеся на меня с опаской, подчинились. Они разбежались, скрываясь в тенях.

— Уходите! — приказала я зло.

— Но... — смутилась девушка уже с кровью на шее.

— Немедленно! — повторила я, крепко сжимая кулаки.

Они ушли, они теперь были в безопасности — где-то под лунным светом в объятиях любви и страха, печали и надежды.

— Ну что, куколка, — злорадно сжал челюсть один из наркоторговцев, — обратного пути нет!

Очередной безумец... от которого мне так и не удаётся убежать. А высокая тень так и наблюдала за нами, и это бросало меня в дрожь. Она же была рядом, когда в меня вонзился клинок, неподалеку от тени чёрта. Кто ты?

Глава 12

vos autem occidi

*Безумие, чье сердце не колышет
Чье сердце только черный зов
А нет, в душе он смирно дышит
И ночью взор на стаи сов.*

Обратного пути нет. Забавно. Забавно, господа, когда люди верят в подобные дрянные фразы. Ломайтесь, люди! Вы слабы и ничтожны! И грех на душу не берите! Ах, да! Будьте честны со всеми. Так, а где? Где человечность, которую мы теряли из поколения в поколение, где отношение «человеческое» друг к другу? Убийства, пытки, предательства — чувствуете, как на кончике вашего языка образуется черное пятно? Жгучее. Неприятное.

Это гниль, дорогие мои. Вы ступили на эту дорогу, и что было, уже нам не вернуть. А вот обратный путь есть, ведь мы из сильных, из тех, кто не сдается, даже если обречен на смерть.

Эти мысли позволяли мне не сдаваться всё то время, пока я находилась, как мне казалось, в темнице. Как мантру я повторяла про себя, что так надо и что я справлюсь (и это не

я придумала), — зато это всегда работало безотказно. Мне удалось разглядеть помутневшие серые, холодные и до жути влажные стены этого незаурядного помещения, походившего на камеру пыток, потому что из-за угла на меня злобно и обаятельно поглядывала гильотина. На что я лишняя раз сглотнула, искренне надеясь больше не участвовать в этом шоу уродов. Но эти огромные вбитые в землю булыжники только сгущали атмосферу, наводили туман в моих мыслях, выбивая почву из ног, не позволяя прорваться рёву отчаяния.

Руки мои, знатно исцарапанные, потертые, были закованы в старые медные наручники, не только сковывающие движения, но и до боли сжимающие запястья. Слезы перешли границу силы, и только в этот момент я заметила такие же оковы и на ногах, и осознала свое лежачее положение, которое удручало меня снова и снова, также как и горький металлический привкус во рту.

Били. Однозначно били. С превеликим удовольствием.

— Чёрт вас за ногу! — выругалась я себе под нос, пытаюсь пошевелиться, — да твою мать! — мои попытки были жалкими. Они знали, кого поймали.

Не знаю, сколько я снова пролежала без света, воды и ка-

кого-либо намека на пищу, а потому все сильнее скукоживалась. Голова полностью отказывалась что-то думать, а сердце чувствовать. Порой с неведомой силой меня ломило от голода, ведь я так и не помню, когда в последний раз ела. Все это можно было сравнить с типичной ломкой любого наркомана, к которым примыкать я пока не собиралась.

И вот снова, уткнувшись в темный потолок, который, по моим ощущениям, был метра полтора, не выше, отчего и воздух был здесь терпким и плотным, так и окучивающим мои легкие, не одаривая их необходимым кислородом. Я мечтала выжить, читая мантру о том, что все происходит так, как должно быть.

Потому что так и надо.

Потому что я справлюсь

Потому что мы справимся.

Потому что сильные не сдаются.

В целом, было странно, почему я еще жива, и единственным объяснением было то, что если бы они хотели меня просто убить, они убили бы, быстро и бездумно. Но какой глупец растерзает местную знаменитость, за счет которой можно нажать целое состояние?

— Эй ты! — тяжелый бас, — как тебя там, девчурка? —

голос становился все ближе, — да как тебя там, а? — Он, недоумевая, и зажег свечу, когда проходил недалеко от моей камеры. Он подошел к решетке.

Плотный мужчина, с небольшой лысиной на голове, в мелких очках, и при этом крепкого телосложения, с огромным тесаком в руках, он устало облокотился к стене.

— Тебя хотят видеть, — загремел он ключами, неудачно роняя тесак себе на ногу и тут же завопив грязным матом. — Отрубить тебе голову, что ли? И то дороже выйдет, чем держать тебя здесь! — Рядом с ним появилась высокая тень, и сильно толкнула его о решетку и тут же растворилась, — больно-то как! — Он продолжал выть, но калитку так и не открыл. — А как там тебя звать, девчурка, или куколка?

— Выпусти меня, — вырвалось у меня на выдохе.

— Уж поверь, — он отпер замок, — лучше умереть, чем идти к главарю. Не думай, что гильотина у нас здесь для антуража. — Гнилой засмеялся, и этот недоумевающий смех разметался эхом по коридору. Мужчина без раздумий и с легкостью поднял меня, небрежно закинув на плечо, словно неподвижное бревно, не обращая внимания на окровавленную ступню. Он напевал что-то громко, задорно, а я пыталась запомнить дорогу. Без единого пальца он шёл, и кровь

струилась из ступни, оставляя на холодному полу лужи и превращая это место в лестницу маниакальных ублюдков.

— Длинный, — подумала я, — настоящий подземный лабиринт под городом... — Думай, Грация, думай! — шептала я себе, словно на грани отключения.

Мужчина уронил меня на пол. Я сильно приложила голову об пол, снова оказавшись на грани жизни и смерти.

— Эй, ты! — вновь раздался бас, сопровождаемый сильным ударом в грудь с таким грохотом, что, казалось, лопаются рёбра. — Девчурка! — Следовал ещё один удар в солнечное сплетение, меня выворачивало наизнанку. Кровавая рвота разлеталась по мрачному дереву.

— Дай ей прийти в себя, чудище, — раздался чуть хриплый молодой голос. — Оставь нас.

Послышались звуки шагов, постепенно удаляющихся.

— Расстегни оковы и убери это! — зло прыснул, по-видимому, главарь, — ненавижу грязь.

— Я тебе не прислуга, мог бы хотя бы «пожалуйста» сказать, — холодно ответил женский голос, наполненный раз-

дражением. Но мужчина лишь недовольно выдохнул в ответ. — Где Мальборо? — фыркнула девушка, снимая с меня тяжёлые кандалы. — Он должен был быть здесь.

— Вос придёт позже, — сухо ответил главарь. Я же стояла, не обращая внимания на их разговор, тихо сопя, обрабатывая и осмысливая происходящее.

— Аматерасу, смотрю, притихла, — усмехнулся глава, — пора просыпаться, юная. — Только одно его слово вызвало у меня мгновенный рвотный рефлекс.

— Мой Авитус, — сказала девушка, присаживаясь ему на колени так близко, что казалось, можно почувствовать тепло её кожи. — Наскучила эта девчонка, — игриво зашептала она ему на ухо. Она тихо посмеялась над чем-то, и точно знала, что ему понравится. Но в тот же миг её лукавая улыбка застыла, когда я вонзила кинжал в спинку её трона, пылающую моей яростью.

— Я всё ещё здесь, — напомнила я, и держа свой голос ровным и острым, словно лезвие.

— Оставь нас! — повысил голос Авитус, раздражённо отодвигая девушку. Он достал оружие и, не торопясь, мягко толкнул её в сторону.

— Но, Авитус! — застонала она, словно почти плача этим словом. — Авитус! — её тон стал умоляющим, но он лишь холодно вывел её из комнаты и захлопнул за ней дверь.

— Тиран! — хмыкнула я в ответ, и едва поймала взгляд, который он бросил мне: гнусный, подозрительный и оценивающий.

Я резко вспомнила о том, что похитить обратно мой кинжал из церкви мне не удалось, зато метательные клинки, спрятанные под тугой кофтой, были на месте. Возможно, стоит упомянуть, что с пятнадцати лет, когда я поняла, насколько этот мир обречён, я часто убегала на кладбище и долго тренировалась.

День за днём бросала клинки, оттачивая меткость. Зрение у меня от природы слабое, поэтому метать я могла только вблизи. Но с того момента, как погрузилась в рубиновый омут, зрение стало острым, словно сверхъестественное — я могла видеть все и даже больше.

Чувствуя приход сознания, я полностью открыла глаза и села на стопы, всё ещё шатаясь в поисках координации. Помещение вокруг показалось величественным: огромные окна уходили в бездну ночи, деревянный пол едва скрипел под

ногами. В центре стояло массивное кожаное кресло, по обе стороны которого покоились руки мужчины, словно капитана своего мрака. Угол украшал камин — больше домашний, чем готический, — изредка в нём мелькали едва заметные искорки, которые я пыталась спасти подобно последнему огоньку надежды. По стенам красовались картины, исполненные божественным искусством: изображения Бога и Дьявола, рождения и смерти — словно художник пытался обнажить грань между светом и тенью, жизнью и гибелью — или найти того, кто и есть сама эта грань.

Авитус был молод, невысок, скорее среднего роста, но он излучал ужасающую мощь, царящую в этом пространстве. В его облике причудливо смешивались величие и гадливость — нечеловечески острые черты лица, словно готовые были вонзиться в кожу врага. Он устремлял на тебя свой взор с глубокой тьмой и неприличным сапфировым отблеском, словно он хранил отголоски давно минувших времён. Его пронизывающий взгляд казался спокойным и равнодушным — словно пытался меня унять, убаюкать, пересказать всё без единого слова.

Иногда он постукивал золотой тростью по подлокотникам кресла идеальными кистями в кожаных перчатках. Или гладил свои безупречно уложенные русые волосы, вызывая у меня запретное чувство дежавю — будто что-то забытое, но

глубоко и ярко тлеющее внутри. Мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь, словно стараясь прочесть мысли, которые словами передать невозможно. Но в тех глазах не было ни капли тепла. Ни капли глубины. Только корка гнилого безразличия, жгущая моё сердце под звёздным небом.

— Виделась с Анхелем? — вдруг спросил он. — Он тебе не представился, да?

— Нет, — резонно отрезала я, вспомнив те ярко-синие глаза, что жгли меня насквозь сильнее раны, оставленной Гробовщиком.

— Как всё интересно закручивается, друг мой, — протянул Авитус, вставая с кресла. — И как забавно, что вы оба уже сделали свой выбор. — Он подошёл к окну, небрежно распахнув щель между стеклом и стеной, всматриваясь в ночные переулки.

С этими словами он бросил в меня трость — она мелькнула и больно ударила меня в висок, кажется, нанеся последний решающий удар. В последние секунды своей жизни я пыталась прочесть его взгляд и мысли, но там не было бескрайнего океана, не было живого звёздного неба, не слышалось раскатов грома или ливней мудрой правды. Всё было просто. Наивно. Пусто.

Мы оба сделали свой выбор.
Вот только способна ли я?

Глава 13

*Не хочется мне говорить, что делать дальше
после смерти.*

Найти кого-то?

Ждать его?

Смешно

Сырое, отвратительное, искрящее помещение. Тусклый свет, что едва пробивался сквозь пыль и паутину, казался только частью бесконечной бездны. Монотонный мужской голос плыл где-то далеко, то поднимаясь, то стихая, а я хотела лишь вырваться из этого чёртового места. И пусть чёрт со мной не всегда — сейчас я не чувствовала ничего, кроме безнадежности. Кинжала нет. Сил — тоже.

Если хотя бы в собственной пытке найти удовольствие, может дышать станет легче...

— Какой же ты паршивец, — прозвучал усталый мужской голос неподалёку. — Что ты наделал?!

— Я не хотел её убивать, — раздражённо отозвался Авитус. — Придумаю что-нибудь...

— Да-да, сходи к Анхелю, порадуй его, — зло рассмеялся

второй голос. — Он так обрадуется, что мы, возможно, все без головы останемся.

— Ты почти равен ему по силе, — ровно сказал наркобарон, — да и чем она ему понравилась?

— Тем же, чем и тебе, — послышался нервный смешок, а после — напряжённое молчание.

— Что? — недоумевал Авитус.

— Что? — вторил ему собеседник. — Не прав?

— Бунт оказался тяжелее, чем я думал, — попытался сменить тему Авитус.

— Интереснее... до чего же интереснее, — тихо проговорил второй мужчина. — Она дышит. Радуйся.

Я открыла глаза — от нежного прикосновения. Передо мной стоял он — мой убийца. Сердце пропустило удар, и я вмиг инстинктивно отпрянула назад, опираясь на согнутые колени. Мой лоб был покрыт засохшей кровавой плёнкой, а рассечённый висок заживал с поразительной скоростью, будто природа сама проверяла, жива ли я ещё — вампир в плену чужой жестокости.

— Прости, — выдавил Авитус, потянувшись ко мне, но я с бешенством вцепилась ему в горло, едва удерживаясь на ногах, втягивая в себя его смрад и печаль. В моем взгляде больше не было прежних карих глаз с изящным вырезом — весь свет поглотил кровавый рубин, будто луна, судный день, бледный и грозный, тщетно приближающийся. Хрусталики горели яростью и налитой болью, такой, где потом бегут к ненастью, туда, где ангел произносит глаголы судьбы.

Авитус не сопротивлялся. Лишь наблюдал, как мои снова отросшие длинные когти вонзались в его шею, медленно, но без пощады, оставляя под кожей жерлицы маленьких алых капель, что так извращённо тихо струились вниз. Под лунной кожа его засияла — серебристый пепел мраморного жемчуга, холодна, мистически, прекрасна.

Вот так, казалось, на лунном свете закручивалась сцена — девушка-вампир душит главаря работорговцев.

Но чей на самом деле голос звучит в этой тишине?

— Забвенно, — заговорил второй, подходя ближе. Мне удалось рассмотреть его лукаво-хитрый прищур, идеально оттенявший его властный образ. Он с азартом и необычайным любопытством рассматривал нас, иногда поправляя ме-

таллические очки, чья светло-серая, почти белая оправа чётко акцентировала его яркие глаза. Его возбуждал цвет моей кожи — он видел и чувствовал в нас удивительную схожесть.

Мужчина был словно жемчуг: пепельно-снежные волосы, аккуратно собранные в небольшой хвост, тоже блестя, завлекая в собственный омут зла. Его тускло-серый костюм и жилет, немного вычурные для худого, но атлетичного, казалось, безупречного тела, только подчёркивали особую власть.

— Людей здесь нет. Мы словно единое полотно, — хрипло произнёс он, коснувшись моей щеки. Мой взгляд встретился с его, осторожным и недовольным.

Время остановилось. Мы висели в пространстве, касаясь друг друга не только душами, но и чем-то большим, игнорируя факт, что я только что приняла трансформацию — без оружия и удара.

Безумие!

Сущность не нуждается в чём-то влиянии.

Сущность — это ты, это твоя воля, твоя душа.

Но это даже не сущность, а детский лепет — ребёнок, который хлопает в ладоши, предвкушая истинную эволюцию, подлинное превращение. И мысль об этом волновала, возбуждала — ты не как все. Твои рубиновые глаза — клинок, пронзающий всю мглу, где нет лучика света, где теряются души и где правлю я.

Осмелишься пойти со мной?

Увлекательная дорога — вдоль мёртвых, по рекам крови, с твоей физиономией в ужасе, вбитой в камень, сравнимый с землёй.

— Сыграем?

— Сможешь убедить меня не отправить тебя туда?

— Вос! — встрепенулся наркоторговец, громко срочно зовя того серебряного — Вос!

Авитус тут же отпрянул от меня, выкрутившись из моей мертвой хватки, и бросился к теряющему сознание другу.

— Все на месте, — резюмировала я исподлобья. — Какая прелесть, — я подала свой фирменный истерический смешок и двинулась к двоим мужчинам, остановившись перед

Авитусом. Тот тяжело, даже силпо вздохнул, но не от страха — возникло резкое напряжение, почти сексуальное. Я воспользовалась моментом: дождавшись, когда он отпустит бедного Воса, потерявшегося в пространстве, я страстно и грязно поцеловала главаря. Не углубляясь, лишь слегка провела языком по щеке, аккуратно покусывая, я разомкнула поцелуй, но мужчина без колебаний ответил с невероятно пошлым звуком.

Я прошла дальше по залу, остановившись у стены с картинами — и наткнулась на высокое зеркало, обрамлённое тёмной сталью с золотистыми вкраплениями, словно небрежными кляксами. Я кружилась, всматриваясь в своё отражение — в себя властную, чувственную, полную силы. Как будто пытки и страдания — были лишь сном. Как будто я снова жива.

— Хороша, чертовка! — затрещал Авитус, приходя в себя от эротики, витающей в воздухе. — Мы точно сработаемся! — усмехаясь, посмотрел на второго удивлённого наркоторговца. — Что ты видел? — спросил он у Воса.

— Ничего, — холодно ответил он, — будто в темноту провалился.

— Врёшь, — укоризненно зашипела я, резко развернув-

шись к мужчинам.

— Вру, — без сомнений ответил Вос. — Но тебе знать не нужно, Аmaterасу. Ты быстро поймёшь — что к чему. — Ледяным голосом сказал он, вталкивая меня в ступор.

Похоже, начинается игра, которая может перерасти в войну. Почему меня поглощает чувство, будто я совершаю ошибку?

— Даже если так, — я сделала надменную паузу, затаив дыхание, — я не терплю лжи. Ты отвратителен. — Хмыкнула я, пытаюсь смирить взглядом Воса.

— Лжи, дорогая? — мужчина рассмеялся, почти покачиваясь. Его голос вдруг стал зловещим, пронёсся по помещению, будто готовый разбить что-то — сосуд или кости.

— Я тебе не дорогая! — возмутилась я, оказавшись перед его морозным лицом. Не обращая внимания на Авитуса, который с подозрением наблюдал за нами.

— Так что насчёт лжи? — как будто невзначай продолжил Вос. — Анхель не соврал тебе ни разу? Не верю. — Слово прозвучало так отрезвляюще. — Он сказал тебе всю правду?

— Какую, к чёрту, правду?! — вспыхнула я, хватая мужчину за жилет. — Я вонзила ему клинок с преобладающим удовольствием!

— Какую, дорогая? — он хитро улыбнулся, слегка наклонив голову.

— Я тебе не дорогая! — зарычала я, оттолкнув его. — Хватит! Хватит лгать!

— Ты, милая Аматерасу, кажется, забываешь, с кем разговариваешь, — вмешался Авитус, подходя к нам. — Мы всё ещё можем тебя убить.

Я дерзко схватила его за руку, перекинула через плечо и бросила его на пол с грохотом.

— Уверен? — ухмыльнулась я, присев на корточки и сверля главаря рубиновым взглядом, прожигающим плоть. — Уверен, что я не выживу так, как он?

— Хороша, чертовка, — гордо сказал Вос, подходя ближе. — Неужели мы так похожи? — наклонился он к моему уху. — Видения, моя дорогая, видения — основа взгляда в будущее.

— Хватит меня так называть! — завопила я, случайно придавливая наркоторговца к полу и переводя на него взгляд. — И да, я очень хотела тебя убить! — Он попытался пошевелиться, но я, ослабив хватку встала, тут же снова пнула главаря. — Сволочь.

— Лживый! Лживый и ты, и он! — кричала я, не обращая внимания на валяющегося Авитуса, пытавшегося отползти. — Отпустите меня немедленно!

— И не узнать тайну Анхеля? — улыбаясь, попытался зацепить меня Вос, легко глядя по локтю.

— На кой чёрт он мне?! — бунтовала я, небрежно одёргивая руку. — Мне нужна свобода!

— Свободолюбивая бунтарка, — резюмировал Вос, отходя в сторону и помогая главарю подняться. — Не умеющая контролировать силы, какова твоя судьба? Ничтожна.

— Пускай! — крикнула я, выпуская резкую, едва заметную волну ярости, которая сбила с ног Авитуса. — Почему он так слаб? Что с ним?

— Одержимость, — мрачно констатировал Вос, наблюдая, как мои глаза все больше заливаются кровью. — Удар.

Волна. Возбуждение... — перечислял он, будто выискивая страхи.

Не желая больше слушать бесконечный поток слов, которые казались мне несусветным бредом, я отвлеклась на поток своих размышлений, ведь уже однажды мне пришлось признать горькую правду: я действительно не умею контролировать себя. Сердце билось неровно, мысли путались, но усталость и безысходность шли рядом. Смиренными, почти безвольными шагами я направлялась к выходу, на ходу проверяя, что метательные кинжалы при мне — но одного не хватало, и это не добавляло уверенности.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел Мальборо — будто привратник из теней, несущий вести из глубин власти. Парень, обычного телосложения с огромной копной каштановых волос, в его глазах промелькнуло что-то знакомое и родное мне, — он был третий в этой коалиции.

— Аматерасу, — раздался его лисий голос с оттенком насмешливого любопытства.

Я обернулась, встретившись с его холодным и пронизательным взглядом, а затем посмотрела на главаря: его черные, как сама тьма, глаза без единого намёка на сомнение

или слабость пронзали меня, словно видели насквозь мои страхи и сомнения. Он вновь занял своё тронное место — повелитель тьмы в окружении ночи и тайн.

— Неужели тебе не интересно, — произнёс он так, будто тайна уже была разгадана, — что ваша встреча вовсе не случайна?

В моей груди засела лёгкая дрожь, но я собрала волю и коротко ответила, не позволяя страху взять верх:

— Нет.

Он улыбнулся — той самой улыбкой, что проскальзывает у тех, кто знает больше, чем должен знать другой.

— Передавай привет отцу, — его голос был наполнен непоколебимой уверенностью. — Владыке Тьмы.

В тот же миг свиток упал к моим ногам — адреса точек и заказчиков.

— Всё должно быть выполнено до вечера.

Я собрала информацию взглядом, и меня охватило смещение. Вопросы взывали из глубины души — кого он имеет

в виду? Каковы были их настоящие планы? И что ждет меня в этом мрачном мире, где каждым шагом осязаешь тьму и предательство?

Тишина между нами стала подобна натянутой струне, готовой лопнуть от напряжения. Я взглянула на Восу и почувствовала, как угрожающе близко воцаряется игра — не просто шахматный поединок, а война, в которой ставки — жизнь, свобода и сама душа. Каждый миг был наполнен и страхом, и решимостью. Я знала — теперь нет пути назад.

Быть может так и должно быть, если впереди судный день?

Глава 14

*Давай погрязем во тьме
Давай сыграем с тобой
Давай я поведаю тебе
Давай переживем судный день*

Милые, вы правда верите?

Название книги должно себя оправдывать, не так ли?

Охватывающая хандра не заставила себя долго ждать — медленно сковывая тело волнением и нарастающей тревогой, чуть ли не поглотившей меня полностью. Она не давала возможности сложить целостную догадку о темном лорде.

Каждая клетка живого, все еще страстно желавшая помочь мне и скитавшаяся по моему телу, подсказывала разные совпадения — те, которые на самом деле таковыми не были. Мне в детстве не раскрыли великую правду: что во всей нашей великой или никчемной жизни нет случайностей. Я пыталась донести это многие годы, получая в ответ знаки, что каждый сам вершит свою судьбу.

Но не будем так приземленно мыслить — ибо если нет случайностей, то есть то, что рождает встречи. Такие — со-

кровенные, желанные.

Творец — тот, кто создал этот мир, тот, кто восхищен и боготворен людьми, поистине силен и великолепен. Он — верховодец наших судеб, он ведет наши души, сжимая в объятиях, туда, где каждый обретёт своё покаяние.

Свобода после смерти? Возможно.

Пускай вы мне противоречите, пускай мы с вами расходимся во мнениях, но знайте вот что: какими бы разными ни были люди, если они честны друг с другом, они всегда найдут общий язык. Даже эти размышления проникали в меня всё глубже и глубже, в то время, пока я погружалась в список адресов и упаковок с наркотиками, которые предстоит развести.

Отвратительно. Брезгливые рамки, в которые меня загнали — а я собираюсь сжечь их дотла, словно этот мир исчезнет вместе с ними. Жаль только, что это всего лишь всплеск фантазии. Или нет?

Мне предстояло посетить около восьми точек: пять — неподалеку, три — на южной стороне, недалеко от кладбища, у лежбища дьявола. Собрав силы, я направилась в церковь за кинжалом — без него, признаюсь, жить довольно неудобно. Непросто пройти снова через этот сквер — где мо-

гут без суда убивать невинных, почти обязательно никоим образом никогда не причастных к злу. Там и меня могли так же растерзать.

Но теперь я — молниеносно передвигаюсь по пространству, совершая высокие прыжки на крыши, поправляя порой соскальзывающий парик. Он выглядел как мокрый и испачканный кошачий мех, бывший свидетелем не одной бури, но... что поделать, закроем глаза и представим: всё не так уж и плохо. Хотя, кого я пытаюсь обманывать?

Скоро, по прошествии нескольких минут стремительного бега, минуя прохожих и уютную городскую суету с лёгким налётом сладкой свободы, я добралась до здания. Оно успело слегка осыпаться — наверное, из-за сильных проливных дождей, так сурово и четко подходивших к этой осени.

Ни души вокруг. Набравшись решимости, я настойчиво постучала в огромную дверь, опутанную тяжёлыми цепями — чтобы избежать таких «прелестных» встреч с монстрами, как я. Глубоко внутри я подозревала — никто не захочет меня впускать, и потому начала бить по двери сильнее. Внезапно она отворилась с раздирающим скрипом. Из тени вышла бедная монашка — глаза её были молящими, полными страха. Она смотрела на меня, будто не дыша, словно в немом ужасе.

— Я... — зашептала она, сжимая в дрожащих руках прямой крест, — не убивайте.

Мне пришлось выдать из себя что-то похожее на улыбку и сделать шаг назад.

— Я тебя не трону, — спокойно произнесла я, но голос звучал грозно. — Приведи священника.

— За... зачем он вам? — испуганно заикалась она, почти теряя сознание. Но я шагнула вперёд, оказываясь почти лицом к лицу с хрупкой старушкой.

— Приведи мне священника, — глядя угрожающе, сказала я, сохраняя невозмутимый тон. В этот момент я ловлю взгляд в её светлых глазах — там играют кроваво-красные рубины, словно давно съевшие остатки божьей души.

Внезапно из проёма появился священник.

— Ты! — воскликнул он, удивлённо взглянув на меня. — Что ты здесь делаешь? — Кивком головы он удалил женщину, оставив нас друг на друга.

— Мой кинжал, — голос мой прозвучал железно, но

встретил в глазах старика что-то тёплое, обеспокоенное.

Он ушёл, дав мне несколько минут, чтобы унять ярость, бушевавшую в моих зрачках, словно призрак в буре — тёмной, грязной и людской.

— Бог тебе судья, девчонка, — печально произнёс священник, вынимая клинок из лоскутной ткани, — только верши правосудие светом! — Он поднял оружие и указал лезвием к небу, чуть выйдя за порог. — Вот тебе кинжал.

— Свет? — произнесла я с недоверием, осторожно принимая белоснежное оружие.

— Если ты и правда та, — сказал он, глядя мне прямо в глаза, — и я не ошибся, ты найдёшь баланс — научишься управлять тьмой и светом. Но я прошу тебя: прими свет, хоть на время жизни этого кинжала. — Он мягко погладил меня по руке, заметив, что я внимательно рассматриваю лезвие. Рукоять теперь была бело-мраморной с золотыми проблесками и звонкими золотыми цепями, а рубин в центре оставался на месте — истинная сила. Правда, мне стало интересно: нужна ли она мне теперь?

— Но он мне больше не нужен для трансформации, — тихо сказала я, взглянув на старика исподлобья.

— Больше не нужен, — улыбнулся он мягко. — Отныне ты будешь ограждать тьму от света и свет — от тьмы. Это уже совсем другая история. В этой — ищи равновесие, дитя. Свет тебя убережёт. — И, не добавив ни слова, ушёл прочь.

Я стояла, дрожа от холодка, когда брала в руки свой кинжал — без которого я теперь ощущала себя словно обнажённой. Хотя, честно говоря, кому нужно стеснение, если можно просто жить здесь и сейчас, в этом моменте, не задумываясь о том, что будет завтра?

Безумие?

Возможно.

Нравится ли мне?

Абсолютно.

С круглыми, счастливыми, может быть даже детскими глазами я рассматривала весело танцующие цепи. Направляясь обратно на запад, прежде всего мне предстояло найти тот самый «единственный чистый водоём, одно болото здесь»,

где хоть капелька надежды позволяла постирать эту грязную кошку с моей головы — ведь я брезговала такой версией себя.

Наслаждаясь прохладным, пронизывающим воздухом, я обдумывала всё, что произошло за последние дни. Иногда это мне казалось нескончаемым потоком мыслей, затягивающим и не оставляющим ни минуты покоя. А порой — ощущалась такая пугающая пустота, словно я парю в открытом космосе, где сияние цитадели мягко освещает мне путь.

По идее, я должна была испытывать отвратительные эмоции, бесконечно прокручивая в голове обрывки пыток, возможной смерти, режущей болью и душераздирающего ужаса. Но внутри — ни капли страха, ни ропота. Лишь безмятежное равнодушие окутывало меня, оставляя человеческие страдания далеко позади.

Что будет потом? Никто не знает. Остаётся лишь догадываться.

Отпустив себя, я медленно добралась до маленького дворика с запущенным деревянным домиком — сухим, тёмным, без признаков жизни. В воздухе витало сильное, отчаянное сожаление, накатывая на меня волной грусти и тоски. Местность была дикой, и удивительно, что здесь, среди всей этой

дикости, нашёлся чистый водоём — маленькое озеро, словно оазис, где нельзя было ни сбежать вплавь, ни улететь далеко за горизонты.

Дом стоял без забора, с участком осыпавшейся земли и густо разросшимся шиповником, — напоминание о детстве, возможно, счастливом и беззаботном. Природа же, несмотря на кровь и грязь, царившие в городе, жила своей жизнью — дышала отдельным дыханием, новым зовом свободы и всплеском надежды.

Я села на берегу, осторожно оттирая парик, насквозь пропитанный липкой смесью — он полностью закрывал ярко-алый цвет моих волос. Сняв одежду, я осталась в чёрной атласной майке, и почти сразу почувствовала лёгкое щекотание у ног.

Солнце, медленно опускаясь за горизонт, будто прощалось со мной — этот нежный луч согревал меня и разогревал меня изнутри. Просушивая мокрые вещи и чувствуя тепло, я размышляла о том, что могла бы сделать это и у наркобарона, но что-то подсказывало мне: — я вновь иду навстречу смерти, и даров судьбы дальше будет всё меньше.

Хотя, как могу я судить, если не знаю, что ждёт завтра?

Мой родной, истерический смешок прокатился по округе, и, не сдерживая себя, я прилегла на берегу, погружаясь в тишину момента, готовая наслаждаться им, пока свет ещё есть.

— Что ты там делаешь? — злой рык прорезал тишину, но я не оборачивалась, лишь вслушивалась в торопливые шаги, приближающиеся ко мне.

— Не ожидала встретить тебя здесь, — холодно ответила я, резко повернувшись. Передо мной стоял он — Гробовщик. Мой взгляд нырнул в его небесные глаза, раздражённо изучающие меня.

— Так вот она, настоящая ты, — усмехнулся он, делая шаг назад.

Но я лишь повернулась спиной, сбросила мокрую майку, обнажая тонкое кружево на безупречной коже, и нырнула в ледяное озеро. Холодная вода хватала меня быстро и беспощадно — тревожила разум, а его взгляд, словно зачарованный, следил за мной с берега.

— Замёрзнешь, — немногословно заметил он.

— Замёрзну, может, умру. Но в этом и весь смысл, не так ли? — улыбнулась я, уходя под воду, а он остался на берегу.

— Смысл играть со смертью? — бархатный голос оглушил пространство, сдавливая перепонки, когда я очутилась под водой. — Забава, — добавил он, мгновенно сняв грубые берцы, не замечая холода, и шагнул в воду. Он выловил меня на мелководье, взял за руку и вывел на берег.

— Отпусти меня! — разъярённо закричала я, пытаюсь вырваться.

Мёртвая хватка не позволила, и я сдалась, выругавшись себе под нос. Его пальцы скользили по моему влажному телу, укрывая меня чёрной мантией. Солнце уже почти спряталось, оставив тонкий отлив на горизонте, который прожигал горизонт — сжигая и надежды тоже.

Я смотрела на это небо, куталась в полупрозрачную одежду, бережно отложив мокрую майку возле костра, который он развёл. Огонь не согревал тело, скорее — тревожил чем-то глубоким. За жестокостью его поступков просвечивал необъяснимый интерес и забота. Быть может, мы действительно похожи друг на друга, но это осознание придёт позже. А сейчас — я просто наблюдала.

— Как ты выжил? — спросила я уверенно, глядя прямо в его глаза.

По белому кружеву стекали капли воды и отчаяния, создавая между нами дополнительное напряжение, вторя вслед за желаниями.

— Меня не убить клинком, Верддизотти, — хмыкнул он с самонадеянной лёгкостью, бросая пару веток в огонь и усаживаясь рядом.

— Так просто понять? — робко поёжилась я, поглаживая плечо.

— Я видел тебя пару раз на кладбище, — спокойно произнёс он, снимая плащ и оставаясь в облегающей футболке, подчёркивающей рельефы. Я чихнула — неуклюже улыбаясь.

— Спасибо, — пробормотала я. Казалось, он улыбнулся в ответ.

— Почему не убил меня?

— Я знал, что тебя поймают, — его голос стал стальным, — и что ты не умрёшь от одного удара.

— Ты мог убить меня! — воскликнула резко, вскочив на

ноги, бросив на него недовольный взгляд.

Мужчина смягчился, тихо усадил меня обратно, плотнее укутывая в мантию.

— Я не убил и не убью, — спокойное утверждение. Он достал из плаща атласный шарф и накрыл меня с головой.

— Не очень эротично выглядит, — отметила с улыбкой, проводя рукой по влажным волосам и стараясь расправить ткань, чтобы она больше напоминала похоронный платок.

— А ты знаток эротики? — заглянул мне в душу глазами, которые томили и соблазняли.

— Любитель, — призналась я, позволяя себе лёгкую улыбку.

— Ничего не спросишь? — удивлённо смотрел он на меня.

— Давай помолчим. Просто посмотрим друг другу в глаза, — предложила я мягко.

И мы молчали. Души переплетались так тесно, что не требовалось ни слова. Мы не пытались понять друг друга, не

стремились убить, не прерывали эту громкую тишину, где хранится намного больше смысла, чем во всём этом безумии жизни.

— Я здесь вырос и прожил всю жизнь, — тихо сказал он, не отводя взгляда, ловя каждую мою эмоцию. — Здесь жестоко растерзали моих родителей.

Его глаза потемнели от тоски и горечи, крича о помощи. Я без слов обняла его крепко и нежно, порывисто и неожиданно — потому что чувствовала, что именно так должно быть.

В тот миг я поняла: нужно чувствовать и действовать, а не пытаться слишком много узнавать. Ценить каждый момент, потому что именно эти мгновения остаются воспоминаниями и становятся прошлым, к которому мы непременно возвращаемся.

И я призываю вас чувствовать и делать, меньше узнавать и больше жить.

Моменты ценны пока ты их проживаешь, ведь потом они становятся твоим воспоминанием и далеким прошлым.

Глава 15

*Пустота — словно смерть, громко
затмеваящая твою грешную душу.*

Я ушла в тот момент, когда этого не хотелось больше всего — когда причины путались в голове вместе с приятным, почти неудержимым покалыванием внизу живота и учащённым сердцебиением. Когда заглядывала в эти глубокие глаза, блуждающие внутри меня, едва ли не пытаюсь найти в них ответы.

Найти себе место после стольких откровений оказалось невероятно трудно, отчего хотелось кричать в пустоту — ведь я не понимала своих чувств. По большому счёту их и не было. Было лишь лёгкое волнение, встречный интерес, но никаких настоящих эмоций — словно их вовсе не положено было возникать. Изнурительно поглощала грохочущая пустота, уменьшая вокруг меня пространство, оставляя один на один со своими тусклыми, бездонными и невзрачными мыслями.

Ноющая пустота охватила и город, пробуждая свирепых убийц, что держат в страхе всё это небольшое поселение. Однако в его взгляде не было злости, коварства или лжи —

той беспрекословной лжи, которой пронизан этот мир, давно утративший человечность. Его глаза источали нежность и вселенскую заботу, словно были впитаны в лоскутный шарф, что продолжал согревать меня — то ли от зарождающихся чувств, то ли от пронизывающего холодного ветра, пробирающего до костей.

Мы попрощались молча. Разговор был немым, но всё читалось во взглядах: в моём страхе и сожалении, сталкивающихся с его печалью и заботой, которая не желала уступать. Казалось, я узнала то, чего не должна была — то невероятно личное и сокровенное, скрытое глубоко в человеке, почти недостижимое. Хотелось броситься ему на шею, обнять со всей силой и прошептать слова благодарности и поддержки, потому что так нужно было — потому что это было лучше для нас обоих.

Гробовщик не терпит слабости — ни своей, ни чужой, и вместе с ложью, притаившейся на каждом шагу преступного мира, он молча принял моё решение — уйти, пусть и с мыслями о том, что хотелось остаться. Его семья, возможно, была тёплой и уютной, хоть временами и жесткой. Родной дом для того, кто был дорог. Мне казалось, что это — единственное, что ему дорого. Но я ошибалась. За этой оболочкой скрывалось гораздо больше — и людей, и чувств, больше, чем просто скованная холодом семья.

Я бродила по небрежно убранным улицам, чувствуя как внутренняя пустота наполнялась далёким эхом нецензурной брани, разливавшейся среди мёртвых, холодных, словно стекающих стен. Морозных — не просто от холода, а от смерти и глубокого безразличия — того красноречивого равнодушия, что царит здесь сильнее, чем сама гниль.

За каждым прячется маска — эпицентр личных мук, за-
таскивающий всех медленно, неумолимо в ад.

В своём замкнутом замке разума я иногда находила убежище от навалившейся боли, от слабаков внутри меня — демонов, что вырываются из плоти. Слезы и горечь подступали, словно часы экзорцизма. Этот каменный ком в груди перекрывал дыхание, заставлял рычать на себя самого, или растворяться в блаженном ощущении, как будто только пусть ноющая, но приятная пульсация могла унять тоску и дать сил двигаться дальше.

Со временем я научилась принимать эту бурю эмоций, позволяла себе теряться в этом бурлеске чувств, заглушая внутреннюю пустоту — ту самую, что уже начинала настаивать. Но ничто из этого не влияло на суровую реальность — где я разношу сладкие вещества этим гнилым уродам, мечтающим обладать всем, что движется.

Луна, словно тайная наблюдательница, появлялась из-за крыш домов, разбрасывая тени — высокие и низкие, смертельно опасные. Эти тени были самыми страшными существами, владычествующими за горизонтом, гнетущими и опьяняющей свободой ощущения. Их боялись сильнее всего — и пытались бороться специальные службы, только усиливая поток смертей по городу.

Каждый, кто осмеливался выйти ночью — был готов к собственной смерти, к жестокой кончине, где плоть растерзают до последней капли, оставляя тело обезглавленным на пути... том самом пути — на кладбище.

Они. Следят. За. Тобой.

Точно ли ты готов остаться?

Твоя кровь уже закипает, а ее аромат разнесся по улицам, лишь завлекая их — убийц твоей жизни, никчемной и никому не нужной.

Так хочешь ли ты посмотреть, каково это быть практически убитой, быть на волоске от смерти, жить среди ублюдков и убийц, влюбиться в одного и доставлять траву, хочешь?

Будешь.

Ты идешь со мной.

Одни тени следят, страстно желая отгрызть нам голову.

Другая идет за нами, проходя свой путь вечности.

Пожиратели плоти. Так их и называли в быту, не имея ни малейшего представления о том, кто они на самом деле.

Парадокс в том, а кто такие эти тени, и что еще хуже, кто эти люди, так жаждущие смерти? Может, именно они находятся в поиске своего собственного покаяния. Мне же оставалось только опасаться, безусловно зная, что я смогу так или иначе защититься, даже я бы сказала, противостоять этому грядущему судному дню, вот только гнусные легенды не давали мне покоя, так же, как и суеверия и мысли о том, что это дело рук Гробовщика.

Дьявола, чье имя он носил.

Буду честна, меня разрывало на части от одной мысли, что скоро проявится правда, та самая правда, которая вонзится тебе в спину копьё, копьё правосудия — как только наступит ночь. В порыве своих чертовых мыслей, в надежде встретить

своего чёрта, я добралась до первых грязных, так я называла приемщиков этой несусветной дряни.

Вокруг было действительно паршиво, а потому хотелось вновь попросту сбежать, и не за предел, не на великую свободу, а в определенные объятия, в которых я чувствовала себя настолько уютно, словно уже была в небольшом доме, с тихим счастьем и бездонными глазами, заполняющими шторм моего душевного кошмара.

— Нет! — воскликнула я, отвесив себе смачную пощечину, — сердцу слова не давали, мы работаем, на этом точка.

Я постучала себя легонько в области груди для уверенности, да и в надежде успокоить бушующие чувства, растекающиеся медленно, словно дикий мёд по моему телу. И снова, снова упав в эту пропасть, я прислонилась к ледяной стене, охлаждая разум среди никчемных мертвецов (так я звала тех, кто не живет, а существует), собирая душу по осколкам, в ожидании еще одного грязного.

Встреча должна была состояться в узком переулке, неподалеку от логова наркоторговца, воспоминания о котором прожигали насквозь. И только сейчас мне стало до боли в животе интересно узнать реакцию Гробовщика на то, что я в пророческом рабстве с царем грязи. Быть может, это мне

и предстоит узнать, а пока стоит остановиться и выдохнуть, готовясь как к мирной сделке, так и к бою, медленно поглаживая кинжал, припрятанный в области ложбинки, свисающий дальше по линии груди. Он висел на мраморных шарах, сравнимых с планетами, бескрайними и в какой-то степени идеальными.

Единственное, с чем остаюсь я в размышлениях, так это откуда эти самые космические бездны, крепко державшие кровавое орудие. Не помню их в руках Священника — быть может снова мистика, так сладко и быстро опьянившая меня, с того самого дня.

— Эй, ты, девчонка! — позвал кто-то сзади, голос был резким, почти рычанием.

Я едва успела обернуться и увидела перед собой мутное, полупрозрачное существо в черных лохмотьях, похожее на человека, но иное — словно тень, вынырнувшая из ночи. Лицо было скрыто под полупрозрачной шалью, но с первых мгновений меня пронзили знакомые ярко-изумрудные глаза — глаза, которые я видела не раз, глаза, скрывающиеся за масками и тьмой. Эти глаза манили и одновременно вызывали тревогу — настолько они были живыми и непроницаемыми.

Высокий рост и невесомая худощавость, привычная походка — всё это складывалось в единую картину. Я узнала Хуго — не сразу, но интуиция, цепкая и острая, как лезвие, не дала мне усомниться. Определяющим был именно взгляд — этот мерцающий изумрудный огонь, холодный и одновременно живой, с оттенком иронии и скрытой угрозы.

Я сделала шаг ближе, не выпуская из рук бархатный мешочек.

— Как договаривались? — прогремел его голос, тёмный и глубокий, почти рычание, которое лишь добавляло напряжения.

— Как положено, — ответила я, с вызовом смотря прямо в те глаза.

В ту же секунду товар выхватили у меня словно вихрь, исчезая в тени.

— Чёрт тебя подери, Хуго! — вырвалось у меня вслед, злость и облегчение смешались в душе.

Глава 16

Принятие неизбежного

*Забывать, простить, расстаться, право
Ты так ничтожен в омуте своем
Глупцы такие мне по нраву
Смакую с дьяволом вдвоем.*

*А вы кричите о пощаде,
И на коленях ты стоишь
И молвишь мне, что вы женаты
Хоть ты уже в аду горишь.*

*И пламя кожу обжигает,
Так сладко, словно ты малец,
И мир твой вечный погибает
Ведь ты беспрекословный лжец.*

*А я смакую, наслаждаясь
И дьявол за плечом царит
Мне шепчет, а я искушаюсь*

Убить тебя он мне велит.

*Но твои вопли как в тумане
В болотном склепе пропадут
Ты в катафалке одурманен
И тело твоё не найдут.*

Я смеюсь тебе прямо в лицо, хотя на самом деле хочу лишь взвыть и прокричать о том, что мы продолжаем верить. Верить во что? Людям, которые нам недоговаривают? Тем, кто нечестен с нами? Или тем, с кем ты всегда будешь третьим?

Да пошли к чёрту всех, кто боится правды. В ней сила — какой бы горькой она ни была!

Пусть твоя душа бунтует. Разве в тебе вдруг проснулось это кривое чувство сострадания? Или, может, ты стал борцом за добро и справедливость?

Перебой тех самых сокровенных мыслей проникал под кожу, заставляя кровь бурлить изыщнее, а незримое сердце биться чаще. Не стоит удивляться людям, которых ты не знаешь. Неизвестность — вот что это есть. Если ты разочарован — это плод твоей искушенной фантазии.

Меня уже не зомбировала новость, что один из наших

клиентов — Хуго. Некто некогда известный как костлявый парень с изумрудными глазами и щедрой горстью таинственности. Всё больше хотелось покинуть этот злосчастный переулок, вспоминая нож, приставленный к хрупкому горлу девушки с невинным взглядом — взглядом, умоляющим изменить реальность, изменить этот проклятый мир. Для меня это тогда стало сигналом, позывом завершить дела поскорее, встретиться с остальными заказчиками. Но я и не подозревала, что квинтэссенция дьявола ждёт впереди.

Вернувшись в дряхлое место, пропитанное болью и сладкими препаратами, я смогла на мгновение выдохнуть. Искренне верила, что рано или поздно выберусь из этого чудовищного логова. Но там, сидя перед дверью наркобарона, уткнувшись в колени и разрывая губы зубами до крови, пытаясь заглушить ком в горле, я вновь оказалась бессильна. Тревога нарастала, охватывая разум и тело, сковывая меня целиком. Ноги затряслись, будто я снова переживаю пытки какого-то мелкого человека — но для остальных здесь царилла чарующая и привычная атмосфера.

— Паршивые ублюдки, — выругалась я, с силой сжимая колени, стараясь остановить дрожь в теле, — но это мне на руку, — добавила, сдавливая свои кости до хруста.

Хотелось выть от этой растущей паники, от мимолетных

страданий, на которые я себя обрекла.

— Насколько удивительна эта жизнь, — заговорила я тихо, запрокидывая голову вверх и рассматривая мрачный потолок. — Кто бы мог подумать, что я окажусь на обрыве своих чёртовых, никчемных мыслей? Этот бушующий шторм рвёт меня на жгучие куски правды, вырывая последнее, самое живое, сладостное и горькое чувство — порыв любви.

Я не желаю вас любить и не желаю продолжения. Но мечтаю выжить среди смуты всех моих страданий, на которые обрекла себя сама, позволяя тянуть меня вниз этому грязному, щемящему прошлому, что раскрывается в моменты горьких слёз.

Это моё возмездие.

Возмездие за слабость.

Больше не осталось слёз и эмоций, что рвали меня на части — лишь пустота, поглощающая меня с каждой минутой всё глубже. Может, мне суждено умереть так рано?

— Вос, живо помоги мне! — сквозь пелену сознания виднелись силуэты короля, рядом с которым мне вдруг стало как-то подозрительно спокойно.

— Выполнила? — отрезвляющим броском трости по полу заставил меня собраться Авитус.

— Остался ещё один, — пробормотала я, раз за разом забывая, как эти моменты торжества передала другим — видимо, машинально.

— Кабаре? — прищурившись, как будто заглядывая прямо в моё сердце, спросил Авитус.

— Будь осторожна, — шепнул он мне на ухо и исчез вглубь комнаты.

— Чай, дорогая? — насмешливо протянул блондин рядом, пригласив шагнуть ближе.

— Я тебе не дорогая! — вспыхнула я внезапно, замахнувшись, но он с лёгкостью усадил меня на диван и втиснул в руки маленькую чашку — странной формы, как бокал, матово-черного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.